

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ РЕМИЗОВ

Научная публикация архивных материалов

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-301-360>

<https://elibrary.ru/ZMPOOX>

ДМИТРИЙ КОБЯКОВ И АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ: СВОЙСТВА ПАМЯТИ

© 2024 г. Е.Р. Обатнина

Аннотация: Публикация содержит редкий архивный материал, касающийся неизвестной истории контактов А.М. Ремизова с представителями молодого поколения творческой эмиграции. Судьба и литературный путь Дмитрия Кобякова — колоритной фигуры русского Монпарнаса — во второй половине 1920-х гг. оказалась тесно связана с известным писателем. Публикация 35 писем Кобякова к Ремизову позволяет восстановить эти утраченные страницы истории русской эмиграции. Комментарии к эпистолярным документам снабжены новонайденными материалами из эмигрантских газет и малодоступных архивных источников. После Второй мировой войны Кобяков вернулся в СССР. Этот выбор продиктовал ему стратегию литературного поведения и корректировку событий прошлой жизни в новых условиях. Автор публикации локализует свой рассказ о биографии Кобякова на проблеме самоцензуры так называемых «возвращенцев». В статье и в авторских комментариях впервые собран основной массив биографических и библиографических материалов Д. Кобякова.

Ключевые слова: русское зарубежье, поэты русского Монпарнаса, литературный быт, взаимосвязь поколений русской эмиграции, литературное поведение, память как инструмент самоцензуры, «возвращенчество», А.М. Ремизов, Дм. Кобяков.

Информация об авторе: Елена Рудольфовна Обатнина — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lena.eo@mail.ru

Для цитирования: *Обатнина Е.Р.* Дмитрий Кобяков и Алексей Ремизов: свойства памяти / вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Е.Р. Обатиной // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 301–360. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-301-360>

Scientific Publication of Archival Materials

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

DMITRII KOBIAKOV AND ALEKSEI REMIZOV: FEATURES OF MEMORY

© 2024. Elena R. Obatnina

Abstract: The publication presents rare archival material related to the unknown history of Aleksei Remisov's contacts with the younger generation of creative emigration. Dmitrii Kobiakov is a flamboyant figure of the Russian Monparnasse. His destiny and literary path in the second half of the 1920s were closely associated with the famous writer. The publication of 35 letters of Kobiakov to Remizov allows to restore these lost pages of the Russian emigration history. Comments to the epistolary material are provided with newly found materials from emigrant newspapers and little available archival sources. After World War II, Kobiakov returned to the USSR. This choice dictated to him a strategy of literary behavior and correction of past life events in a new living environment. The author localizes the story about Kobiakov's biography on the problem of self-censorship of so-called "returnees". The article and the researcher's comments present for the first time a collection of the main body of D. Kobiakov's biographical and bibliographical materials.

Keywords: Russia abroad, poets of Russian Monparnasse, literary life, relationships of generations of Russian emigration, literary behavior, memory as a tool of self-censorship, "returnees", A. Remizov, Dm. Kobiakov.

Information about the author: Elena R. Obatnina, DSc in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Makarova Emb. 4, 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

E-mail: lana.eo@mail.ru

For citation: Obatnina, E.R. “Dmitrii Kobiakov and Aleksei Remizov: Features of Memory.”, ed. by E.R. Obatnina. *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 301–360. (In Russian)

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-301-360>

Советский писатель, популяризатор занимательной лексикологии, журналист Дмитрий Юрьевич Кобяков (1898–1978), пережив в 1963 г. частичную потерю зрения, в тревожных мыслях о возможной участи беспомощного слепца записал в дневнике: «Слепота прошла (осталось только очень плохое зрение, хуже, чем у Ремизова в Париже!)» [45, с. 50]. Репатриант послевоенного времени, Кобяков прибыл в Россию летом 1958 г. Уроженец Москвы, нашедший пристанище в Западной Сибири, в Барнауле, он был одним из немногих на всем пространстве СССР, кто непосредственно из личных встреч и благодаря литературным знакомым имел представление об обстоятельствах последних лет жизни Алексея Михайловича Ремизова, закончившего свои дни 26 ноября 1957 г.¹

Полноправный советский гражданин Д.Ю. Кобяков не скрывал прошлого², но как опытный редактор³ буквально вычеркнул из жизненного «текста» неуместные для упоминаний в советском социуме сюжеты, выдвинув на первый план официальной информации только те факты своей заграничной жизни, которые отвечали ценностям послевоенной действительности в СССР: рассказы об участии во французском Сопротивлении⁴ да о некоторых литературных встречах с писателями, имена которых были включены в официальный реестр классиков русской литературы. Как свидетельствуют

¹ Ср. письмо о состоянии зрения Ремизова, адресованное В.И. Малышеву за два месяца до его кончины: «А.М. очень рад был иметь Вашу фотографию <...> хоть он и очень плохо видит — все же видит — вторым зрением — и другие глаза могут, увидев, ему описать» [36, с. 785].

² См. исследовательские статьи, опирающиеся на архивные автобиографические документы Кобякова: [26, с. 226–227; 25, с. 170–173; 27, с. 713–716; 11, с. 128–129].

³ В частности, о редакционной деятельности Кобякова см.: [28; 21; 15].

⁴ Ср. мнение Софиева, считавшего «советские» рассказы Кобякова о партизанской деятельности во Французском Сопротивлении, составившие незаконченный роман «Дневник Водовозова», далекими от реальности: [65, с. 79].

фрагменты новой биографии Кобякова, он безупречно подтверждал собственную приверженность социалистическим идеалам⁵ и тщательно отсеивал из памяти имена современников в соответствии с цензом их упоминаний в публичных выступлениях и книгах. Так, в конце 1950 г., не таясь, рассказывал он о беседах с Куприным [44, с. 48–49], возвратившимся в Союз в 1937 г.; мог уже вспомнить, присочинив для красного словца, о своих пересечениях с Буниным [44, с. 49–53]⁶, ранние произведения которого стали вновь допущены в официальную печать, и с гордостью описывал обстоятельства парижской встречи с Маяковским [44, с. 46–47].

Только имя Ремизова оставалось вне поля активной памяти бывшего эмигранта. Вполне вероятно, что такая устойчивая забывчивость имела и личные мотивы, которые едва ли станут когда-либо известными, ввиду весьма скромного литературного и биографического материала, сохранившегося в архивном фонде писателя⁷. Гипотетически представимо, что именно Кобяков, проведший в тесном общении с Ремизовым, по крайней мере, три бурных года своей парижской жизни (1925–1927), мог бы исполнить роль «первооткрывателя» неизвестного советскому читателю литературного имени, без которого сейчас немыслима история русской литературы XX в.⁸ Следивший за литературным процессом в культурных центрах России, хоть и отдаленно, через библиотечные источники, он имел возможность заметить тот знаменательный факт, что в 1963 г. библиография дореволюционных произведений писателя-модерниста составила персональный раздел авторитетного Указателя, изданного Академией наук, в котором также перечислялись и несколько его эмигрантских произведений [48, с. 353–356].

⁵ См. биографические сведения: [47, с. 9].

⁶ См. также о рассказе в дневнике Ю. Софиева: [65, с. 122–125, 130], а также упомянутую здесь же статью Ю. Терапиано «Из дальних странствий возвратись...» (Русская мысль. 1962. № 8), в которой содержалась едкая критика на мемуарное творчество новообращенного советского писателя Кобякова.

⁷ В материалах Ремизова 1940–1950 гг. Кобяков упоминается как «проходной» герой его сновидений. См.: [54, по именному указателю].

⁸ Эту миссию отчасти выполнил другой представитель молодого поколения русской эмиграции первой волны, хорошо знакомый с Кобяковым по парижскому Союзу молодых писателей и поэтов — Вадим Леонидович Андреев. После окончания Второй мировой он, как и многие эмигранты, принял советское подданство, что позволило ему, не покидая навсегда Франции, приехать в 1957 г. в Москву на прощание с умирающим братом Даниилом и позднее издать на родине воспоминания, в которых подробно описано начало его многолетней дружбы с Ремизовым, завязавшейся в Берлине в 1922 г. [31, с. 294–303].

Воспоминания о парижских встречах с Ремизовым, определенно, не вписывались в контур советского бытия писателя Д. Кобякова. Стоически осваивая условия социалистического быта и идеологии, он сохранял верность патриотическим идеалам, служившим оправданием всей его зарубежной одиссеи⁹. Добровольно принятая бывшим эмигрантом советская социальная идентичность не помешала алтайским местоблюстителям посмертно цензурировать материалы его личного фонда, образованного в Центре хранения архивного фонда Алтайского края. В результате этой «чистки» и, вероятно, заблаговременно проведенной самим Кобяковым «самоцензуры», сохранились лишь обрывочные биографические документы, не дающие полного представления о творческом и мемуарном наследии поэта и писателя¹⁰. Свидетельства небольшого круга близких знакомых о жизни и творчестве Кобякова, появившиеся в печати «на волне перестройки», также не дополнили его жизнеописание неизвестными ранее сюжетами. Только в одном из воспоминаний Кобяков был назван «потомком половецкого хана Кобяка» [53]. Эта незначительная, на первый взгляд, подробность, несомненно, повторенная за самим героем мемуарного очерка, придает нам уверенности в том, что встречи с Ремизовым остались глубоко в памяти бывшего парижанина.

Фактически ремизовская «параллель» из барнаульского дневника Кобякова — едва ли не единственное исключение из установленного им самим «правила забвения», — обнаружила затаенные, искусственно стертые из сознания слои другой жизни. Под печатью молчания хранились события его эмигрантской биографии, которые мы попытаемся восстановить благодаря Ремизову, сберегшему в своем личном архиве тридцать пять писем малоизвестного поэта.

Эта переписка завязалась в середине лета 1923 г., когда редактор учрежденного в Белграде русскоязычного журнала «Медуза», подписавшийся *Дм. Кобяков*, обратился к Ремизову с официальным предложением сотрудничества. Полученный вскоре экземпляр первого номера, несомненно, заинтересовал писателя. В эмоциональной по тону программной статье были сформулированы такие отвечающие его личным представлениям о редакционной политике русской зарубежной печати тезисы, как свобода от партийности и взаимобогащение культурными ценностями с государствами, предоста-

⁹ О несостоявшихся в конце 1950 гг. попытках издания сочинений Ремизова в СССР см.: [36, с. 796, 805].

¹⁰ Ср. о судьбе архива: [60].

вившими приют временным, как хотелось верить, эмигрантам из России [46, с. 456–457].

В самом начале обмена письмами фамилия белградского корреспондента привлекла внимание писателя (п. 2), но продолжить едва начатое знакомство не пришлось. После выхода единственного номера нового журнала Ремизову еще даже не был выплачен гонорар, а редактор исчез так же внезапно, как приступил к изданию «Медузы»¹¹.

Проходит год, в течение которого (как мы узнаем из автобиографии Кобякова), он, «очутившись» в Праге, ненадолго приобщился к студенческой жизни Карлова университета, подышал литературной атмосферой поэтического объединения «Скит», а уже осенью 1924 г. перебрался во Францию¹². Казалось бы, краткое пересечение писателя с бывшим редактором «Медузы» могло состояться летом 1924 г., когда Ремизовы побывали в Праге, нашли радушный прием своих старых приятелей по Петербургу (прежде всего, Е.А. Ляцкого и Д.А. Лутохина, организовавших поездку) и обрели новые связи — с В.Ф. Булгаковым, А.Л. Бемом. Студент юридического факультета Кобяков, в этих встречах отмечен не был¹³.

Предположительно, свое погружение в литературную жизнь русского Парижа молодой человек начал с визита на rue Mozart, где в это время жил Ремизов. В январе 1925 г. их отношения уже наэлектризованы личными беседами, отправной точкой для которых, судя по письмам Кобякова, послужила тема происхождения его фамилии.

Старинный дворянский род Кобяковых известен по описаниям генеалогов. Существует несколько ономастических версий первоначального имени [9, с. 321–340]. Но для Ремизова и его супруги Серафимы Павловны — профессионального специалиста по древнеславянской палеографии, звучание фамилии молодого гостя прежде всего оживляло в памяти страницы «Слова о полку Игореве», повествующие о набегах полчищ «поганого хана Кобяка» на владе-

¹¹ Обстоятельства, вынудившие Кобякова прекратить издание «Медузы» и срочно покинуть Югославию, см. в примеч. 2, п. 3.

¹² Согласно архивной справке из деканата Русского юридического факультета Пражского университета, 25 июля 1924 г. Кобяков запросил удостоверение о сдаче экзаменов и зачетов за 1923/24 учебный год «для представления в Парижский университет при прошении о приеме его в число студентов такового» (ГАРФ. Ф. 5765. Оп. 2. Ед. хр. 420). Благодаря за сообщение этих сведений А.Л. Соболева.

¹³ Подробная хроника пребывания Ремизовых в Праге зафиксирована в дневнике Д.А. Лутохина. См. об этом во вступ. статье [51, с. 949–951].

ния русских князей. Более того, в ремизовской личной коллекции рукописных документов русской бытовой культуры XVII–XIX вв., которая собиралась для второго тома книги «Россия в письменах», упоминалось имя еще одного пращура поэта. Купчая, датированная 1742 г., представляла собой свидетельство о крупной торговой сделке дворянина Пронского уезда Федора Ивановича Кобякова. По всей вероятности, Ремизов не имел сведений о родословной этого представителя рязанской ветви генеалогического древа, являвшегося, как отражено в источниках XV в., потомком касимовского царевича Кобяка Айдаровича¹⁴. Однако писатель, несомненно, воспринял появление в Париже наследника древнего рода Дмитрия Юрьевича Кобякова как символическое подтверждение связи времен. Об исторической памяти, запечатленной в именах, он написал в предисловии к публикации оригинального текста купчей, приготовленной к печати для первого номера журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), выпущенного в Брюсселе под редакцией сверстника Кобякова — князя Д.А. Шаховского:

Начну со «Слова о полку Игоревѣ» о в. князе Святославе и о половецком хане Кобяке, не потому что о них речь, а потому что в «купчей» покупатель потомок «погананаго» хана — Кобяков: купил Кобяков у Левашова крестьянина Абрама Панова с женою, с детьми, с их дворовым и хоромным строением, с хлебом стоячим и молоченым и в земле посеянным, с мелкою и рогатою скотиною и лошадьми и со всеми их крестьянскими пожитками, в вечное владение, впрок, бесповоротно за 50 рублей; а у Секериной крестьянскую девку Ксению Иванову, никому не проданную, не заложенную и ни в каких крепостях не укрепленную, за 3 рубля. И вот судьба — «въ вѣчное владѣние, въ прокъ, безповоротно!» — а последний в роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! — а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его галчонком, ныряет под вагонами со своими стихами¹⁵.

С этого времени Кобяков на rue Mozart именуется «ханом Кобяком», а в кругу друзей-сверстников присоединившийся к парижско-

¹⁴ См., в частности, генеалогическое описание на портале: [40].

¹⁵ Ремизов А. Россия в письменах: Купчая. 1742–1746 // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 135–139; [57, т. 13 с. 639].

му Союзу молодых поэтов и писателей новичок, выбранный известным писателем в качестве «исторического» героя, стал прозываться просто — Кобяка¹⁶.

Для Ремизова новое знакомство неожиданно открыло созвучия как в личных художественных интуициях, так и совпадения в области профессиональных интересов, связанных со словесной «археологией». Кобяков, в автобиографических документах упоминавший о прослушанных в 1918 г. в Одессе лекциях Д.П. Овсяннико-Куликовского — по языкознанию и М.Г. Попруженко — по славянской мифологии [11, с. 128], по всей вероятности, сумел стать писателю достойным собеседником.

Заинтересовали писателя и грани поэтического таланта молодого человека. На rue Mozart состоялось своего рода литературное «крещение», подарившее поэту не только имя «поганный хан половецкий Кобяк», которое применительно к человеку XX в. получило значение устойчивой историко-литературной аллюзии, но и литературный псевдоним Кобя́ков. На обложках всех его авторских сборников — «Керамика» (1925), «Вешняк» (1926), «Горечь» (1927) и «Чаша» (1936) фамилия автора печаталась с изящным диакритическим значком. Эти книги выпускались под маркой собственного издательства «Птицелов»¹⁷. Подчеркнуто акцентированный вариант своей фамилии Кобяков использовал эксклюзивно в переписке с Ремизовым, в то время как во всех других сферах жизни поэт благополучно о нем забывал¹⁸.

Зимой 1925 г. при участии Ремизова в литературной судьбе Кобякова началась череда событий, которые благоприятствовали его литературной известности, однако далеко не всегда сопровождались позитивными коннотациями. Наравне с парижанами Вадимом Андреевым, Брониславом Сосинским и Владимиром Диксоном, считавшими себя учениками Ремизова, Кобяков вскоре стал одним

¹⁶ Ср. воспоминания парижского товарища Кобякова: «...“старый Кобяка” много мы с ним съели пудов соли и с ним, как с Мамченко, прошагали по жизни рядом треть века, порой дружески сближаясь, расходясь, если не внешне, то внутренне, но в общем всегда оставались “добрыми друзьями”...» [65, с. 42].

¹⁷ Исключение в этом ряду составил сборник «Чаша», выпущенный под грифом «Птицелова», но без ремизовской марки. Благодарю Б.А. Равдина, способствовавшего уточнению по экземпляру книги, обнаруженному в фондах The British Library.

¹⁸ Не использовал Кобяков ударение и в письмах к М.А. Осоргину (1926–1930 гг.). Эти эпистолярные документы сохранились в архиве последнего (РГАЛИ. Ф. 1464). См., в частности, публикацию отдельных писем в статье: [15]. Ударение также отсутствует и на титуле журнала «Ухват», выходившего под редакцией Кобякова (1926).

из литературных протее писателя, рекомендованным Д.А. Шаховскому — редактору нового журнала «Благонамеренный» (1926) в качестве потенциального автора. Деятельная натура двадцатисемилетнего поэта явно вызывала ремизовские симпатии: писатель поощрял литературные начинания. Характерно, что именно Ремизов взял на себя полномочия в письме Шаховскому проанонсировать возникший летом 1925 г. спонтанный проект сборника под названием «Ухват»:

Вас будет просить о стихах для сборника Кобяков. Этот сборник он делает на свои деньги, от своего тяжелого заработка, хочется ему хоть одну книжку листа в 2а <sic!>. Главное будет молодых писателей две прозы — Цебрикова и Сосинского.

А у остальных, — это будет большое испытание — у китов он попросит 1 стр.

Представляете себе, 2 года привыкшие писать по листам, и задача: 1 стр.!

[39, с. 221–222, п. от 18 августа]

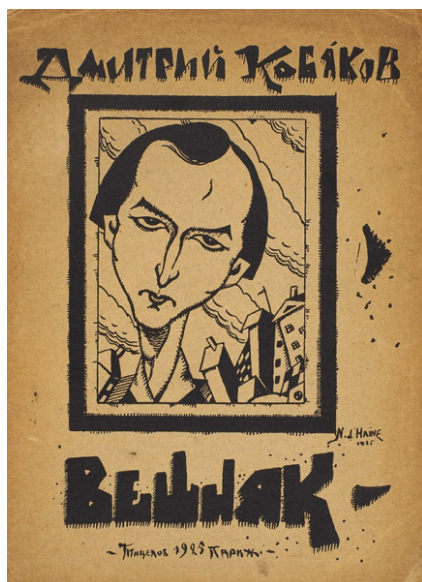
Подоплека ремизовской миссии отчасти была связана с надеждами на инициативу молодежи и ее энергию, направленную на расширение книжного рынка и периодических изданий, число которых в эмиграции к середине 1920-х гг. катастрофически не отвечало потребностям литераторов. С другой стороны, объединение Ремизова с молодыми подразумевало идею создания сильной и независимой оппозиции парижским литературным «цензорам» и критикам, установившим регламент *quantum satis* по отношению к новой поэзии и прозе начинающих. Такой же прессинг испытывал и зрелый мастер, не раз встречавший негативную рецепцию его творческих экспериментов в области нарратива и формотворчества [14]. Закономерно, что авторитет Ремизова послужил солидаризации двух новых изданий — «Благонамеренного», образованного силами брюссельской творческой молодежи¹⁹, и сборника молодых литераторов «Ухват», созданием которого в Париже занимался Кобяков. Осенью 1925 г. товарищ Шаховского — Юрий Цебриков делился с писателем предположениями относительно целей нового молодежного издания:

¹⁹ Об участии Ремизова в формировании редакционного портфеля «Благонамеренного» [19, с. 13–18].

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Михайлович!

Получил также от г. Кобякова карточку, в которой он просит меня по Вашему совету прислать рассказ для «Ухвата». Я сегодня послал рассказ «Письмо». Но что за Ухват? То ли, что предполагал Шаховской? Если да, то почему не воспользоваться одним из пяти рассказов <...>, которые сейчас у Шаховского для приткновения <sic!> их куда-либо? Ну да все равно. Спасибо Вам опять-таки за ходатайство²⁰.

Позаимствованное из ремизовского лексикона название «Ухват» красноречиво подтверждает роль писателя и в этом проекте. Естественно, что едва забрезжила иллюзорная возможность запустить издание сборника, будущий редактор уже продумал его структуру, и в императивной форме сообщил старшему другу свое видение ближайшего будущего: «Вы будете редактировать отдел в “Ухвате” и “Обезвельволпал”» (п. 10).

Илл. 1. Обложка поэтического сборника с портретом автора. Худ. N. D'Haine. 1925 — Кобяков Д. Вешняк. Париж: Птицелов, 1925. Типогр. печать.

²⁰ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее — Amherst). Series 1. Box 4. Folder 1.

Издание сборника «Ухват» требовало поддержки состоятельных спонсоров, с которыми Кобяков пытался наладить связи в конце 1925 — первой половине 1926 г. Пока же трудовых заработков хватало только на выпуск второго поэтического сборника. Согласно письмам поэта (п. 19), название «Вешняк» для новой поэтической тетради было найдено Ремизовым летом 1925 г. в словаре Даля, где выбранное диалектное слово толкуется как «окольная дорога, пролагаемая весною, в разлив» [35, т. 1, с. 187].

Выход в свет второго парижского сборника стихов послужил достойным поводом для посвящения Кобякова в кавалеры Обезьяньей Великой Палаты — мифического социума, объединенного идеалами творческого братства и житейской взаимопомощи. 11 августа 1925 г. Ремизов завершил оформление Обезьяньей грамоты, начатое, как видно по датировке «обезьяньей печати», 3 августа. Этот шуточный документ был спроецирован сразу на несколько знаменательных событий, среди которых награждение Кобякова «именным ярлыком»²¹ можно считать второстепенным в сравнении с обретением символического названия для книги, в семантических слоях которого открывалась перспектива к осуществлению мечты об обратном пути в Россию: «изумрудный» вешняк, прокладываемый по лугам, в обход разлившихся половодий, — путь не прямой, но предвещающий начало новой жизни.

<на глаголице:>

Дмитрию
Юрьевичу
Кобякову —
Обезьянья грамота
Обезвельволпал
MCMXXV

А<лексей> Р<емизов>

Дана сия обезьянья грамота именной ярлык
поганому половецкому хану Кобяку
в знак возведения его в кавалеры 1 ст<епени> с
изумрудным вешняком обезьяньей великой и
вольной палаты

[Рис. с изображением обезьяньей печати с надписями на глаголице и датировкой римскими и арабскими цифрами: Обезьянья печать MCMXXV. З.8.]

²¹ Ср.: «ярлык (татар. стар.) — грамота татарского хана» [35, т. 4, с. 678].

Le grand et Libre Chapitre de l'Ordre des Singes

G.F.O.A. <Grand Federation of Order Apes>

Das Große und Freie Affenstift

Grande y Libro Capito Monífero

*Opiči veliké volná rada*²²

11. 8. <19>25

Paris

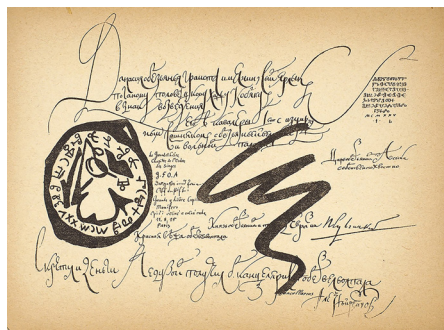
Красная вежа Обезвелволпала <росчерк> Царь обезьяний
Асыка собственнхвостно

Князь обезьяний и полпред Евразии П. Сувчинский <автограф>

Скрепил и деньги Медузой получил²³ канцелярист Обезвелволпала
cancellarius Алексей Ремизов

Архаичная лексика текста грамоты восходила к ареалу значений тюркских слов из древнерусского глоссария (ярлык — грамота, вежа — походный шатер), подчеркивающих половецкое происхождение но-вообращенного обезьяньего кавалера.

В память о напутственном подарке своего старшего собеседника и друга Кобяков отпечатал грамоту на авантитule его поэтической книги, которая, таким образом, открывалась страницей, заполненной ремизовской вязью, искусно воспроизводящей скоропись писцовых деловых бумаг XVI–XVII вв.

Илл. 2. А. Ремизов. Обезьянья грамота Д.Ю. Кобякова в книге: Кобяков Д. Вешняк. Париж: Птицелов, 1925. Типогр. печать.

²² Справа от печати расположены именованья Верховного предводителя всех обезьян Асыки Первого, Обезьяньей великой палаты и совета Старейшин Обезвелволпала на французском, английском, немецком, испанском и чешских языках.

²³ См. п. 3, подтверждающее посылку Ремизову двух номеров журнала «Медуза» 3 июля 1923 г.

Размещение Обезьяньей грамоты в чужом авторском издании для Ремизова, стремившегося не только к распространению своего графического творчества в печати, но и к легитимации мифа Обеззеволпала в истории современной литературы, осталось исключительным прецедентом, выделяющим Кобякова в окружении писателя. Смысл этого литературного жеста был скрыт от несведущих. Со стороны он воспринимался как один из кунштюков известного писателя, навязывающего своему читателю мифологию узкого дружеского кружка. Именно с таких позиций оценил репродуцирование грамоты один из рецензентов:

Эта книжечка, вышедшая в книгоиздательстве «Птицелов», снабжена факсимиле «обезьяньей грамоты», выданной на имя автора А.М. Ремизовым (как известно, наш маститый писатель и затейник любит этим развлекаться) [59, с. 5].

Высказанное мнение в общем и целом не искажало истины, но отпечатанный небольшим тиражом «Вешняк», благодаря Обезьяньей грамоте стал не только фактом личной творческой биографии поэта, но и фактом истории зарубежной литературы, увековечившим увлекательные беседы на rue Mozart — о значении древних слов, происхождении имен и начале истории знакомства, восходящей к 1923 г., когда в Белграде готовился первый номер журнала «Медуза».

Другое очевидное «присутствие» Ремизова в этой книжке стихов хранила издательская марка с надписью «L'oiseleur / Птицелов» и изображением ушастого зверка, заботливо склонившегося над гнездом с птенцами. Рисунок был авторизован глаголической литерой, поставленной на всех графических произведениях писателя. Из книг, выпущенных издательством Кобякова, только его авторские сборники печатались с маркой работы Ремизова, которая никогда не репродуцировалась самостоятельно. Неизвестно, кому принадлежало название издательства. Вместе с тем изобразительный «текст» ремизовской марки дает основания предполагать, что и здесь не обошлось без участия писателя, всеми возможными средствами транслировавшего свою миссию воспитателя литературной молодежи. Таким образом, «птичья» тема объединяла мотивы «учительства» и обретения молодыми собственного «голоса»²⁴

²⁴ См. также: [15, с. 285–286].

Илл. 3. А. Ремизов. Марка издательства «Птицелов». 1925.
Типогр. печать.

Уже летом 1925 г. Кобяков стал активистом Союза молодых поэтов и писателей, участвуя практически во всех вечерах Клуба молодых литераторов, организованных в зале на rue Denfert-Rochereau, 79. Позиционируя себя владельцем издательства «Птицелов», он также пытался снискать признание в молодежном кругу, выпустив в аскетическом типографском исполнении книгу стихов Довида Кнута «Моих тысячелетий» (п. 9). Свой статус издателя Кобяков утверждал размещением в печати анонсов, сильно преувеличивающих реальное положение дел:

Зимой 1925–26 г. книгоиздательство «Птицелов» развивает свою деятельность, широко идя навстречу молодым авторам. Помимо издания (с января месяца) лит.-худ. журнала «Ухват» под ред. М. Струве и Дмитрия Кобякова, в котором, главным образом, будут принимать участие молодые поэты, писатели и художники, — издательство выпускает в свет книги следующих авторов: Дм. Кобяков — «Вешняк» с грамотой Алексея Ремизова. Сборник молодых поэтов: стихи Юр. Терапиано — «Пепел», зом <sic!> «Скит» — Диомеда Монашова, роман «Метрополитэн» — Алозия Гонзаго, стихи Ирины Кнорринг и поэму «Панам» Дм. Кобякова [42].

Манипуляция реальными именами и вымышленными названиями произведений выдает в этом сообщении кураж опытного мистификатора Ремизова, для которого составило особое удовольствие «подослать» в компанию поэтов-монпарнасцев причтенного к лику святых монаха XVI в. Алоизиуса Гонзага²⁵. Однако даже шутки известного мастера газетной провокации далеко не всегда оценивались по достоинству, а уж репутации начинающего поэта они нанесли явственный вред. Не удивительно, что упомянутые в заметке члены молодежного Союза литераторов ополчились на Кобякова, возмущившись его самонадеянным планам²⁶. В конце концов за подобные печатные выступления Кобяков был исключен из молодежного творческого Союза. Юрий Софиев, поэт сходной с Кобяковым судьбы добровольного репатрианта, один из немногих русских парижан, сохранивших к нему теплые чувства, в дневнике советского времени вспоминал:

...Кобяку не любили в парижских литературных кругах, был он прирожденным мистификатором и подчас не добрым шутником, но чего нельзя у него отнять — довольно яркой индивидуальности, это человек далеко с «не общим выражением лица» [65, с. 110–111]²⁷.

Предположительно из-за трений в Союзе молодых поэтов и литераторов, идея сборника «Ухват» к началу 1926 г. потеряла актуальность, преобразовавшись в формат сатирического периодического издания. В конце года бурная деятельность поэта и редактора привлекает внимание Вл. Ходасевича. Один из ведущих парижских критиков 24 декабря отметил в личных записях событие редакционных будней газеты «Дни»: «разговор о Кобякове» [71, с. 79]²⁸.

Парадоксальным образом решение о литературном направлении нового проекта очевидно, оказалось следствием печальной судьбы журнала «Благонамеренный», который со стороны старшего поколения литераторов вызвал прохладные, если не сказать, снисходительные отклики [19, с. 20–22], и закончил свое существование

²⁵ Aloisius Gonzaga (1568–1591). Аналогичный прием был использован в заметке о дружественном «Птицелову» мифическом издательстве «Плетешок» [52]. См. также: [3, с. 191–199].

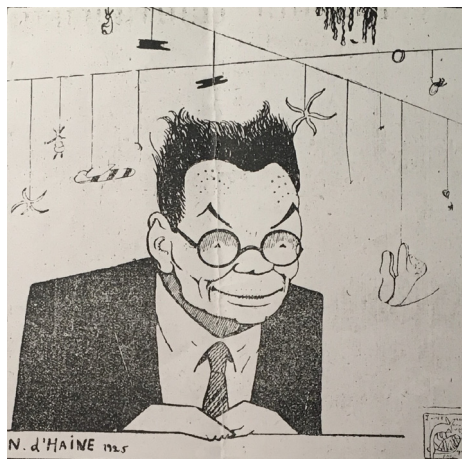
²⁶ Ср. дневниковую запись от 1 ноября поэтессы, оказавшейся в ряду упомянутых в заметке: [43, т. 1, с. 513].

²⁷ См. также: [20, с. 252].

²⁸ См. также прим. 6 к п. 20.

на втором номере²⁹. Избранный жанр сатиры заполнял пустующую в эмигрантской периодике нишу и позволял сохранить политический нейтралитет и литературную независимость. В феврале 1926 г. Кобяков и его приятель художник Александр Шем, разделившие на выпуске первого номера между собой редакционные обязанности, занимаются привлечением к сотрудничеству известных писателей. Вполне вероятно, что Ремизов способствовал контактам Кобякова с М.А. Осоргиным. Таким образом, журнал начал выходить под негласным патронажем двух литературных корифеев³⁰.

Финансирование «Ухвата» иссякло на шестом номере. В 1927 г. Кобяков вернулся к поэтическому творчеству. Уже ранней весной он собрал новую книгу стихов «Горечь», рождение которой было отмечено 19 марта авторским выступлением в Союзе молодых поэтов и литераторов. Вечер открывался докладом критика Е.А. Зноско-Боровского. Во втором отделении поэт читал фрагменты из подготовленного к печати сборника и оставшейся неопубликованной поэмы «Панам» [62, т. 1. с. 320].

Илл. 4. N. D'Haine. Алексей Ремизов. Шарж. 1925. Опуб.: Ухват. 1926. Ухват. 1926. № 6. С. 11.

²⁹ Номер вышел из печати в конце апреля 1926 г.

³⁰ Подробнее о журнале см.: [15]. Письма Осоргина, предпочитавшего скрывать свою роль в журнале под псевдонимом «Робкий человек», либо в анонимных заметках, подтверждают его вклад в редакционные статьи и отдельные публикации как на уровне написания заметок, так и на уровне идей (см. п. 15, прим. 5).

В публикуемых ниже письмах Кобякова прочитывается искреннее желание поддержать традицию ремизовского наречения его книг, начатую изданием сборника «Вешняк». Однако на этот раз предложенное название «Щуп» кардинально разошлось с поэтикой его стихотворений. Отвечая на очередной словесный «подарок» писателя, Кобяков, очевидно, продолжил уже затронутую в личной беседе тему своего «футуристического» прошлого. На страницах сохранившегося эпистолярного документа поэт с легкостью продемонстрировал живую память об экспериментальном творчестве известных словотворцев И. Игнатьева и Н. Асеева (см. п. 19). Эстетика эго- и кубофутуризма, экспериментальные поэтические «образцы» Н. Асеева и Б. Пастернака в эмигрантском творчестве Кобякова сказались гиперболами, пространственно-визуальными построениями поэтического нарратива, метрической сбивкой, воспроизведением дискретного мыслительного потока и разговорного дискурса с характерной деструкцией семантических связей. Такого рода футуристическая прививка нередко подвергалась критическим обвинениям «в неграмотности» и эпигонстве³¹.

Между тем, потенциальная предрасположенность Кобякова к разрушению привычной риторики поэтического языка, очевидно, и послужила тем самым объединительным мотивом, обеспечившим интерес Ремизова к личности его нового подопечного и участие в его творческой судьбе. В эмигрантской литературе второй половины 1920-х гг. известный писатель являлся едва ли не единственным из старшего поколения первой волны эмиграции новатором в области эстетических канонов художественной образности и языка. Путь к обновлению речевой фактуры художественного дискурса для Ремизова лежал через обращение к архаическим формам языка, сохранившимся в народной культуре и памятниках письменности, и был продиктован потребностью его творческой личности в переосмыслении канонических форм.

Ремизов также проявлял интерес к футуристическому эксперименту. Он был близко знаком с «отцом русского футуризма» Давидом Бурлюком, контакты с которым сохранил на всю жизнь [13], и эпизодически, в 1909 г. — с Велимиром Хлебниковым. Именно в «робком студенте», в то время еще носившем имя Виктор, Ремизов встретил такого же, как он, «рудокопа» словарей и текстов [1, с. 191–210; 12, с. 166–168]. Лексикографическое наследие Кобякова дает

³¹ См. также: [16, с. 89–90; 71].

основания предполагать, что и он был из породы одержимых ценностью слова. Истоки большой творческой работы, возобладавшей, в конечном счете, над его поэтическим призванием, начинались с приобщения к словотворчеству и поэзии футуристов.

Отдельные биографические документы, отражающие гиперактивный склад натуры молодого Кобякова, обнаруживают его ранние контакты с футуристами. Юноша, побывавший на Кавказском фронте, по обстоятельствам Гражданской войны в 1917 г. вернулся в Тифлис — город, в котором прошли его гимназические годы. Благодаря природной коммуникабельности довольно скоро ему удалось окунуться в культурную жизнь грузинской столицы, ставшей в это время центром нового искусства. Согласно автобиографии Кобякова, написанной в 1967 г., сначала он посещал лекторий «Артистериум», организованный Сергеем Городецким при журнале «Арс» [27, с. 714]. Однако факт участия начинающего поэта в первом выпуске альманаха «Фантастический кабачок» (1918), подтвержденный первой из выявленных стихотворных публикаций, говорит о том, что «аванс» признания его художественного дарования был получен не на культивирующем петербургский стиль «средах» последнего «Цеха поэтов» [50, с. 133–147], а в кипящей атмосфере их футуристических собраний. По всей вероятности, в это время начинающему поэту довелось слушать лекции А. Крученых, выступления И. Зданевича, Ю. Дегена, И. Терентьева, Т. Табидзе, и многих других, кто в эпоху революционных потрясений создавал новый художественный язык [50, с. 57–132]. Коллекция библиотеки Пушкинского Дома располагает одним из раритетных экземпляров несостоявшегося тиража первого номера альманаха «Фантастический кабачок» (Тифлис, 1918). Едва ли в 1927 г. Дмитрий Кобяков был способен по памяти воспроизвести опубликованное здесь свое юношеское стихотворение, когда в беседах с Ремизовым возникала тема футуристической поэзии и словотворчества:

Серое небо рассыпалось снежинками.
Мохнатые звездочки сыпали без устали.
Душу одели, согрели пушинками.
И от них ли, от робкого хруста ли
Душа у меня не совсем простая.
Ведь в белых вуалях будут дни –
Для чего же теплая зелень мая?
Зимой мне праздник и в будни:
Труп земли закрыт саваном белым

И кругом, как верная стража,
 Стоящие угрюмо ели
 Ведь ничего не скажут.
 А душе стало радостно —
 Поцеловали в улыбку и растаяли,
 В улыбку неба сладостную,
 Рассыпанную снежинок стаями³².

После 1927 г. встречи Кобякова с Ремизовым стали редкими. Шутовское посвящение в кавалеры Обезьяньего Ордена заместилось реальной кооптацией в несколько известных масонских лож, тайная деятельность которых посвящалась умозрительными концепциям спасения России, ее настоящему и будущему³³. Начиная с этого времени, Кобяков все более настраивался на общественную деятельность, связанную с организацией в творческой среде русской диаспоры патриотического движения. Восприняв от Ремизова мифологический код своего имени, он, по всей вероятности, ощущал себя новым ханом Кобяком, собиравшим, по его словам, «орду поэтов» — «Общество духовного общения с современной Россией» (п. 19).

Жизненные устремления Кобякова логично привели его к созданию в послевоенном Париже еженедельной литературно-сатирической газеты «Честный слон», выходившей под патронажем Парижского отдела Союза советских патриотов³⁴. Ремизов, находившийся в глубоком трауре по скончавшейся в мае 1943 г. Серафиме Павловне, на приглашение к участию не отозвался.

Тем не менее парижский архив Ремизова сохранил единственное, но несомненное свидетельство поддерживаемых в последующие годы доброжелательных отношений с давним знакомым. Машинопись с авторской правкой фрагмента под названием «Представление продолжается» из оставшегося неопубликованным романа «Дневник Водовозова» сопровождается двойным дарственным инскриптом. Первый из них написан Кобяковым 13 июля 1939 г. в начале текста:

³² Фантастический кабачок. Альманах поэтов (Тифлис). № 1. С. 7–8 (Библиотека АН при ИРЛИ РАН. Бр. 423, 1).

³³ См. прим. 1 к п. 21.

³⁴ См. п. 35, прим. 1.

Дорогому Алексею Михайловичу Ремизову от благодарного автора
Я³⁵.

Второй автограф — в форме эпистолярного обращения — появился в конце машинописи 11 лет спустя:

Дорогой Алексей Михайлович. Поздравляю Вас с РХ и Новым годом! Вот Вам мой подарок, который посвятил Вам <1 сл. нрзб.> в 1939 г., но стеснялся послать. *Только Вы и поймете этот роман!*³⁶

Ваш Дм. Кобяков. 24-12-<19>50³⁷

Илл. 5. Д. Кобяков. Фотоотчет деятельности Народного университета в Париже к очеркам Н.П. Дерягина (Иллюстрированная Россия. 1927. № 36. 3 сент. С. 15). На групповом снимке при помощи замедленной выдержки фотограф запечатлел свой автопортрет.

Жизненный путь поэта Д. Кобякова, с начала эмиграции до его прибытия в Барнаул в 1958 г., был пройден с мечтой о будущем в родной стране. Когда же наступило время воспоминаний, его па-

³⁵ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. № 971. Л. 1.

³⁶ Курсивом выделены подчеркнутые Кобяковым слова.

³⁷ ГМИРЛИ. Ф. 156. Оп. 2. Ед. хр. 971. Л. 13.

мь создавала прошлое лишь по заказу советского настоящего. В 1962 г. Кобяков вскользь упомянул о Ремизове и журнале «Ухват» в рассказе «Резистанс», предложенном в алма-атинский журнал «Простор». Рассказ так и не был напечатан³⁸.

В социогуманитарной отрасли научного знания, получившей в наши дни название *Memory studies*, описан мнемонический феномен «забывчивости», обусловленный защитными свойствами ментальности. Установленное личностью «правило забвения», призванное ограждать внутренний мир от разрушительных противоречий мировоззрения и внешних обстоятельств, нередко сопряжено с выбором новой социальной идентичности. Д.В. Философов, один из многолетних корреспондентов Ремизова и Ремизовой-Довгелло, в 1922 г., разделяя ностальгические настроения супругов, писал о слишком высокой цене обратного пути в Россию:

И не знаю, даже если бы Бог судил вернуться на родину — вернулся ли бы.

Кажется, не было бы сил. Там будут нужны люди “без воспоминаний”, без прошлого³⁹.

Письма Д.Ю. Кобякова публикуются по автографам, сохранившимся в фонде А.М. Ремизова и С.П. Ремизовой-Довгелло (Amherst College. Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 2. Folder 9; Box 3. Folder 1, 15; Box 4. Folder 1, 1a, 3, 4, 5, 10, 11, 12; Box 7. Folder 2), в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и сохранением отдельных случаев авторского написания; авторские подчеркивания в тексте отражены курсивом. Публикатор выражает сердечную благодарность за профессиональную поддержку и предоставление архивных и библиографических материалов Б.А. Равдину, А.И. Серкову, Н. Спивак, Л.И. Соболеву, А.Л. Соболеву и Ю.М. Чихаловой.

Условные обозначения иных архивных собраний: РГБ — Российская Государственная библиотека (Москва), ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва), ГМИРЛИ — Государственный музей истории русской литературы им. В.И. Даля, РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства (Москва).

³⁸ См. впечатления Ю. Софиева по прочтении рукописи [65, с. 51].

³⁹ Amherst. Series 2. Box 20. Folder 2.

1

8 июня 1923. <Белград>

М<илостивый> Г<осударь>

В Белграде основано Русско-Сербское Книгоиздательство «Химера», цель которого — пропаганда русского искусства в Сербии и ознакомление русских с творчеством сербов.

1-го июля выходит первый № двухнедельного литературного художественного журнала «Медуза»¹.

Просим не отказать в присылке Ваших вещей для 1-го и последующих номеров.

Гонорар по получении Ваших условий.

Искренне уважающий Вас,

Дм. Кобяков

На бланке книгоиздательства «Химера» (адрес: Белград. Цара Уроша. Бр. 65. Код Пардо). На письме рукой Ремизова зеленым карандашом отмечена дата получения: 11. 6.

¹ Двухнедельный литературно-художественный журнал под редакцией Д. Кобякова выдержал издание только одного номера, выпущенного из печати 1 июля. См. о журнале: [46, с. 456–457].

2

15 июня <19>23 г. <Белград>

Мое имя и отчество Дмитрий Юрьевич — Алексей Михайлович! Фамилию написали правильно.

По 300 д<инар> за рассказ небольшой и по 100 за маленький дать можем.

Рассказы пришлите теперь же, 2–3 маленьких и один, пока, не-большой¹.

Формат журнала, к<а>к «Жар-Птица»².

Напишите — к<а>к удобнее переслать деньги — через банк, или прямо в конверте (можно по svog. <?>)

№ идет в набор 20–29 <июня>. М<ожет> б<ыть>, Вы успеете к 1-му №-у.

Напишите — приехал ли А. Толстой из Москвы?³

Дмитрий Кобяков

На бланке книгоиздательства «Химера» На письме рукой Ремизова зеленым карандашом отмечена дата получения: 19. 6.

¹ Для первого номера журнала Ремизов отправил новеллу «Задумницы» (1907). Публикация зафиксирована в библиографическом своде [74, S. 318].

² «Жар-Птица» — ежемесячный литературно-художественный иллюстрированный журнал, начатый изданием в Берлине (1921–1925; № 1–13) под редакцией А.Э. Когана, Г.К. Лукомского и А.М. Черного и заверченный в Париже (1926. № 14).

³ Алексей Николаевич Толстой (1883–1945), эмигрировавший с семьей в 1919 г. сначала в Константинополь, а затем в Париж, с ноября 1921 г. жил в Берлине. Перемещение было вызвано внутренним решением подготовиться к возвращению в Россию. В 1922 г. писатель возглавил литературный отдел сменовеховской газеты «Накануне», финансируемой из Москвы. Это сотрудничество вызвало громкий скандальный резонанс в союзе писателей Парижа. В мае 1923 г. Толстой совершил кратковременную поездку в Москву, встретив на родине теплый прием. Подробнее о берлинском периоде биографии писателя: [67, с. 466–502].

3

3 июля <19>23 г. <Белград>

Одновременно с письмом посылаю Вам и 2 №-а журнала заказной бандер<олью>.

В письме шлю оттиск Вашего рассказа.

№ запоздал, вышел скверный, масса затруднений технических и денежных¹.

Ваш гонорар (за все рассказы) вышлем позднее².

Искренне уважающий Вас

Дм. Кобяков

P.S. На всех Ваших письмах — штемпель цензуры. М<ожет> б<ыть>, деньги опасно посылать в конверте?

На письме имеется помета рукой Ремизова, фиксирующая имя корреспондента: *Дмитрий Юрьевич*, а также дату получения: 8.7.

¹ Издание журнала прекратилось после выхода первого номера. Несмотря на очевидные финансовые трудности причиной закрытия издания стали политические мотивы, а именно публикация поэмы «Двенадцать» Александра Блока в переводе на сербский язык Станислава Винавера [21, с. 348–349]. Ср. автобиографию Кобякова (1966): «Югославское правительство сочло поэму большевистской пропагандой и мне пришлось бежать из страны. Ночью из Марибора я пешком перешел границу Австрии и попал в Вену. Затем пешком добрался до границы Чехословакии и очутился в Праге» (цит. по: [27, с. 715]).

² В подборке корреспонденции Ремизова за 1923 г. имеется также письмо владельца издательства «Химера» Владимира Воеда, датированное 16 декабря 1923 г., из которого следует, что гонорар так и не был заплачен: «Милостивый Государь Алексей Михайлович, издательство имеет часть уведомить Вас, что ввиду временного материального затруднения и болезни редактора, обещанный гонорар пока ненадолго будет задержан. Издательство приносит искреннее извинение и свидетельствует свое Вам глубокое почтение» (Amherst. Series 1. Box 3. Folder 1).

11-I-<19>25. <Париж>

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Будущую неделю (с 17-го по 23 января) я работаю от 6 утра до 2 дня.

С большим удовольствием увидел бы Вас.

Напишите, когда можно прийти вечером.

В пятницу 16-го я собираюсь пойти в клуб писателя, если там чтонибудь будет, а в следующую пятницу 23-го, м<ожет> б<ыть>, и сам буду читать там¹.

В конце января выходит моя Керамика².

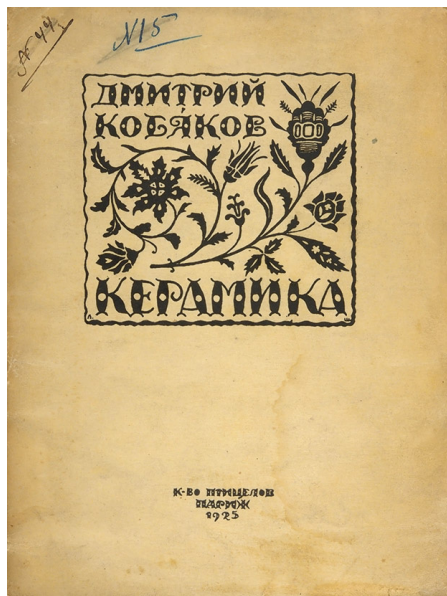
Здесь я посылаю обещанную вещь, но карточки³ у меня еще нет.

Искренне уважающий Вас

Дмитрий Кобяков

Мой адрес:

Мне. Gare du Bourget. Dransy-Triage. Seine

Илл. 6. Обложка поэтического сборника: Кобяков Д. Керамика: Тринадцать вещей 1924 года. Париж: Птицелов, 1925. Типогр. печать.

Из «Керамики»

Мне ль для тебя — сказать так будет жутко —
очнувшись в четкости запнувшихся минут —
твой мутный сон — в прорытых промежутках
засыпать строфами — горою черных руд.

Иди, иди! проснешься ли от боли,
от диких выкриков алтайских колдунов —
в парижских улицах — и в этом я не волен —
скалистый кряж — покрытый лесом снов.

И пусть покажется средь острошпицных кровель
в покрытых лунной чешуей стенах —
твой дым костра — во дни алтайских ловель
В парижских улицах разметывает прах!

14–VIII–<19>24

Прага

Дмитрий Кобяков⁴

¹ 16 января в Клубе писателей (70, rue de l'Assomption) состоялся вечер чтения поэта П.П. Потемкина (1886–1926). Однако Кобякова, по-видимому, более интересовало первое публичное собрание Клуба молодых литераторов, которое прошло 21 февраля 1925 г. в помещении Русского клуба (70, rue Denfert-Rochereau). В программе значился 1) доклад М.Л. Гофмана «Три сосны русской поэзии»; 2) обмен мнений; 3) чтение авторами своих произведений (Б. п. Клуб молодых литераторов // Последние новости: 1925. 20 февраля. (№ 1480). С. 4). На организационном собрании 21 мая Кобяков был утвержден в составе правления Клуба молодых литераторов [62, т. 1, с. 187].

² Поэтический сборник: Кобяков Д. Керамика: Тринадцать вещей 1924 года. Париж: Птицелов, 1925. 13 с. Книга была отпечатана на станках типографии «Imprimerie de Navarre» в количестве 500 нумерованных экземпляров на бумаге super alfa; автор оформления обложки и заставки на первой странице — художник Лев Александрович Шульц (1897–1970), с которым поэт познакомился в Любляне (1920–1922). См. отзывы о сборнике: [30, с. 87; 67, с. 4].

³ Подразумевается визитная карточка.

⁴ Автограф переписанного для Ремизова стихотворения на отдельном листе. Удаление в фамилии проставлено при переписывании.

4 апреля <19>25 г. 8 ч <асов> веч<ера>. <Париж>

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Будьте добры, напишите — когда можно принести Вам свою книгу. Она вышла все же в кн <игоиздательст>ве «Птицелов»¹.

Разрешите завтра вместе с поэтом Н. Беляевым², которому Крачковский настойчиво советует познакомиться с Вами³.

С Мих<аилом> Алекс<андровичем> Струве — познакомился⁴. Он очень мил.

Привет тихий Серафиме Павловне⁵.

Крепко уважающий Вас Дмитрий Кобяков

Дм. Юр. Кобяков
45, rue Dauphine
Ch. 14
Paris VI

¹ См. прим. 2 к п. 4.

² Предположительно речь идет о приехавшем в Париж Николае Михайловиче Беляеве (1899–1930). В недавнем прошлом участник Белого движения, в 1925 г. он был студентом философского факультета Карлова университета, изучавшим византийскую и русскую иконографию под руководством академика Н.П. Кондакова. Вероятно, Беляев познакомился с Кобяковым в 1924 г., в то время студентом юридического факультета и начинающим поэтом, вошедшим в круг пражского литературного содружества «Скит Поэтов». См.: [26, по именному указателю; 10, с. 171–178]. Стихотворные произведения Беляева в печати не выявлены, однако 31 мая 1925 г. он выступал со своими стихами во втором отделении литературного вечера в Клубе молодых литераторов, вместе с В. Андреевым, Дм. Кобяковым, Д. Кнудом, Ю. Терапиано и Б. Поплавским [62, т. 1, с. 190]. См. также о Беляеве в Праге: [32, с. 280].

³ Дмитрий Николаевич Крачковский (1882–1947) — писатель-беллетрист, в 1910 г. выпустил в Санкт-Петербурге и Москве несколько сборников рассказов. Эмигрировав в 1918 г., Крачковский обосновался в Праге. Здесь его авторский стиль, ранее не вызывавший одобрения критиков, был переориентирован на эстетику сюрреализма; был близок к молодежи объединения «Скит Поэтов» и «Скит»; летом 1924 г. вместе с С.К. Маковским, В.А. Амфитеатровым-Кадашевым и П.А. Кожевниковым стал одним из основателей пражского литературного кружка «Далиборка» (1924–1933); тогда же он совместно с А.А. Несси начал издавать литературный сборник «Записки наблюдателя», который не получил продолжения (см. рецензию Н. Берберовой [49, с. 3–4]); до конца 1920 гг. Крачковский оставался жить в Праге. Ремизов, вероятно всего, познакомился с писателем во время своего приезда в Чехию в августе 1924 г. Именно на основании этой встречи Крачковский 3 сентября 1924 г. в письме излагал положение дел с образованным им и А.А. Несси «Чешско-русского издательством», в котором Ремизов надеялся на выпуск в свет своего романа «Взвихренная Русь» (Amherst. Series 1. Box 3. Folder 14).

⁴ Михаил Александрович Струве (1890–1949) — поэт, в Петрограде был участником второго «Цеха поэтов (1916–1917); эмигрировал в 1920 г.; в Париже состоял в литературно-художественных объединениях «Гатарapak» (1921–1922) и «Через» (1923–1924); прозаик, литературный критик; племянник П.Б. Струве; в 1925–1927 гг. входил в правление Клуба молодых литераторов; работал издательским сотрудником, осуществляя связь с парижскими типографиями, в частности, с «Imprimerie de Navarre», в которой печатался роман Ремизова «Взвихренная Русь» (Париж: ТАИР, 1927).

⁵ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (урожд. Довгелло; 1876–1943) — специалист по древнерусской палеографии; жена Ремизова.

Илл. 7. Плакат издательства «Птицелов» с рисованной маркой работы А. Ремизова. 1926. Типогр. печать.

6

10-V-<19>25. <Париж>

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Очень нужно видеть Вас. Напишите, когда можно это сделать. Я кончаю работу в 6-30, 6-45 и ходу до Вас минут 15, 20. (Я работаю в P-G <?> Cloud¹).

Во вторник могу быть. В среду и четверг — занят вечером. В пятницу свободен. В субботу свободен целый день.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дмитрий Кобяков <подпись>

¹ Возможно, речь идет о парижском пригороде Saint-Cloud, на железнодорожной станции которого Кобяков служил сцепщиком вагонов. Территориально станция расположена близко от места жительства Ремизовых в 1924–1928 гг.: Villa Flore, 120 bis Av. Mozart, XVI.

7

23 мая <19>25 г. <Париж>

19, rue Roger. Ch. 16
Paris XIV

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович.

Мне очень нужно видеть Вас.

Я свободен около 7ми часов вечера. Кроме вторника. Будьте добры, напишите? когда можно прийти к Вам.

Мой почтительный привет Серафиме Павловне.

Искренне уважающий вас — Поганый — Хан — Кобяк¹.

P.S. Если Вы не получите и это письмо, то пожалуйста, напишите мне об этом.

¹ Мифическое имя восходит к предполагаемому предку Кобякова, упоминаемому в летописных источниках. О половецком «поганом хане Кобяке» — злостном противнике Игоря и Всеволода Святославичей — повествуется в памятнике древнерусской литературы XII в. «Слово о полку Игореве». В 1184 г. князья одержали победу над его войсками в сражении на реке Орели (Ерелы). См.: [7, с. 51]. Установлена этимология имени Кобяк — от тюркского «собака» [2, с. 39]. См. также толкование значений слова «поганый»: «В древней Руси погаными называли половцев, нехристей. Слово переосмыслилось и получило бранный характер, также, как и слова “подлый” и “смерд”» [8, с. 72].

8

<25.05.1925. 23³⁰.Париж> ¹

Так что — получил вашу открытку. Сейчас только в 9 ч. вечера. Ехать к Вам уже поздно. Во вторник не могу никак. Буду обязательно в среду — в 7 ч. 10 минут. Настроение — хочу кувыраться. Иногда помогает. А дел — много — советоваться — буду — и к<а>к писать надо — скажете мне².

Места больше нет!³ Хан — поганый — Коб<як> — тараканий⁴.

Кандидат в Вел<икие> Стар<ейшие> Князья и кавалер об<езьяний>⁵.

¹ Датируется по почт. шт.

² В ближайших планах Кобякова значилось участие в вечере чтения Союза молодых поэтов и литераторов, который состоялся 31 мая в Клубе Союза на rue Denfert-Rochereau, 79 (см. анонс: Последние новости. 1925. № 1561. С. 3).

³ Имеется в виду размер почтовой открытки.

⁴ Прозвище «тараканий», очевидно, восходит к топониму Тмутаракань, упоминаемому в «Слове о полку Игореве». Подробнее: [23, с. 123–125].

⁵ Речь идет о предстоящем посвящении в кавалеры обезьяньего знака в связи с выходом в свет книги стихов «Вешняк». Подробнее см. вступ. статью на С. 311–312 наст. изд.). См. рец., опубликованную в 1926 г. журнале «Звено», в которой критик, указывая на отсутствие ритмического единообразия и рифмы, отмечал скромные проявления поэтического дарования: «Сами по себе наброски Кобякова приятны: в них есть акварельная легкость письма и легкое волнение. Но они крайне незначительны, это “пустячки”» [29, т. 1, с. 429–430].

<29.06.1925. Париж>

В пятницу — грядущ¹ — не заходя домой — прямо с работы — в 7 ч<асов> 15 м<инут> веч<ера>.

Несу новую книгу книгоиздательства Птицелов:

«Моих тысячелетий» Довида Кнута².

Привет Серафиме Павловне. Осенью, думаем, будете читать у нас Вы и Серафима Павловна³.

В эту субботу последний вечер⁴.

Ваш Поганный Хан Кобяк

29-VI-<19>25

0 ч<асов>. Paris

¹ Новозаветная лексика (Откр. 22:7) могла быть навеяна поэмой Марины Цветаевой «Молодец» (издана в 1924 г.).

² Первый стихотворный сборник поэта Д. Кнута «Моих тысячелетий» (Париж: Птицелов, 1925); книга набрана и отпечатана в июне. Довид Кнут (Дувид Меерович Фиксман; 1900–1955). См. о нем: [69; 68]. В связи с литературным дебютом в Союзе молодых поэтов и писателей на rue Denfert-Rochereau, 79 состоялся авторский творческий вечер, в программе которого также приняли участие Кобяков, В. Андреев, Н. Жемчужникова, Д. Дряхлов, Ант. Ладинский и В. Мамченко [62, т. 1, с. 194]. О встречах Д. Кнута с Ремизовым см.: [37, с. 188–204].

³ Этот «прогноз», очевидно, был связан с программой выступлений известных писателей на вечерах Союза молодых поэтов и писателей, проходивших в помещении Клуба молодых литераторов. 31 мая состоялось авторское чтение Б.К. Зайцева и Тэффи [62, т. 1, с. 190]. См. также примеч. 4.

⁴ Подразумевается последний перед летним сезоном литературный вечер, устроенный парижским Союзом молодых поэтов и писателей в субботу 4 июля. В первом отделении выступил Лев Шестов с лекцией «Литература из ничего (Антон Чехов)», во втором отделении свои стихи читали Кобяков, В. Андреев, Д. Кнут, Ирина Кнорринг, Ант. Ладинский [62, т. 1, с. 197].

<не ранее 20.10.1925. Париж>¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Буду у Вас во вторник в 6 ч. 15 м. веч<ера>. Сегодня провел первую корректуру «Вешняка»², грамота у Струве, но клише еще не готово³. Эндин <sic!> обложку сделал, не знаю — понравится ли Вам <или не?> очень⁴. «Дни» вышли и это хорошо⁵, но там нет сейчас <ни Алданова>, ни Зензинова, а какой-то Соловейчик⁶!

Привет Серафиме Павловне.

Ваш поганный Хан Кобяк Половецкий

Вы будете редактировать отдел в «Ухвате» и «Обезвельволпал»⁷.

¹ Датируется по содержанию (см. прим. 5).

² Речь идет о подготовке к печати поэтического сборника (см. п. 8, прим. 5).

³ Подразумевается М.А. Струве, который курировал набор книги в типографии «Imprimerie de Navarre», в том числе и воспроизведение Обезьяньей грамоты на авантитуле издания (см. п. 8, прим. 5, а также вступ. статью к наст. публ. С. 311–312). В качестве литературного критика Струве произнес вступительную речь 24 октября 1925 г. в первом отделении вечера Союза молодых поэтов и писателей (в помещении клуба Союза на rue Denfert-Rochereau, 79), которое было посвящено выходу в свет сборника «Вешняк» (см. анонс: Последние новости. 1925. 20 октября. № 1684. С. 2). Вместе с Кобяковым в тот вечер выступали поэты: Вадим Андреев, Александр Гингер, Наталья Жемчужникова, Антонин Ладинский, Виктор Мамченко, Даниил Резников. Сборник вышел из печати в конце 1925 г.

⁴ На обложке сборника «Вешняк» размещен портрет Д. Кобякова, созданный в манере дружеского шаржа и подписанный именем N. D'Haine. Этот же художник был автором иронического портрета Ремизова, опубликованного на страницах журнала «Ухват» (1926. 20 июля. № 6. С. 11). Возможно, впервые Ремизов познакомился с этим портретистом 31 июля 1925 г. Ср. письмо Ремизова жене с описанием событий дня, в частности визита: «Кобякова с художником. И его и художника (карикатуриста) я отправил к Яше <Шрейберу>: пускай его нарисует» [56, с. 94].

⁵ Речь идет о двух анонимных заметках, опубликованных 20 октября в газете «Дни» (1925. № 831. С. 4). Первая из них — «Вечер Дмитрия Кобякова»: «В субботу, 24 октября, в помещении Союза Молодых Поэтов и Писателей», на rue Данфер-Рошро, 79 — вечер Дмитрия Кобякова (выход в свет новой книги «Вешняк»). Вступительное слово скажет М. Струве. В вечере принимают участие: Вадим Андреев, Ирина Кнорринг, Довид Кнут, Ант. Ладинский, Наталия Жемчужникова. Начало в 8 ч. 30 мин. вечера». Содержание второй заметки «Кн-во Птицелов» с анонсом сборника «Вешняк», а также ложную информацию об издательских планах Кобякова см. во вступ. статье на С. 314–315.

⁶ Сотрудники газеты «Дни» (гл. ред. А.Ф. Керенский, А.В. Милашевский и др.), переехавшие в лето 1925 г. в Париж в связи с передислокацией редакции из Берлина. Владимир Михайлович Зензинов (1880–1953) — профессиональный революционер, член Боевой организации партии эсеров, один из руководителей газеты, заведовал Литературным отделом вместе с Марком Александровичем Алдановым (наст. фам. Ландау; 1886–1957). Самсон Моисеевич Соловейчик (1884, по др. данным 1887–1974) — эсер, журналист. Ср. о нем: «Помню, полемизируя с эсерами М.В. Вишняком и С.М. Соловейчиком, Ренников писал: “Вишняк в цвету, Соловейчик заливается”» [34, т. 2, с. 117].

⁷ Речь идет о первоначальном проекте сборника писателей эмиграции. Вскоре эта затея переформатировалась в издание одноименного сатирического журнала, в котором специализированный раздел, посвященный мифической деятельности ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, так и не получил развития. Лишь две публикации были соотнесены с мифологией Обезвельволпала: 1) миниатюра «Асыка — царь обезьяний» в сопровождении авторского одноименного рисунка (Ухват. 1926. 15 мая. (№ 3). С. 8); 2) рисунок с авторским названием «Обезвельволпал» (Ухват. 1926. 20 июля. (№ 6). С. 13), который в графических альбомах Ремизова значился, как автоиллюстрация к сказке «посолонного» цикла «Волк-самоглот» (другое название рисунка «Залезняк» и «Автопортрет»). См. воспроизведение оригинала рисунка, датированного 1924 г.: [72, р. 80]. Вариант этой графической композиции сохранился также в альбоме Ремизова «Рисунки писателей» под названием «Китайский залезняк» (Литературный музей ИРЛИ РАН. И-86698/19).

11

21 октября <1925. Париж>. 9 ч. 20 м. вечера.

Дорогой Алексей Михайлович!

Уже после того, к<а>к я бросил открытку Вам, Михаил Струве известил меня, что в пятницу вечером мне необходимо быть у Гладкого, чтобы договориться об издании журнала¹.

Журнал будет — но не «Ухват» — издатель не согласен. Хотите «Шатер»? Гумилев тут ни при чем², журнала такого еще не было — и название не очень плохое. Решайте Вы. Когда я разбогатею — издам «Ухват» сам, а сейчас, очевидно, нельзя.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дмитрий Кобяков

¹ Неустановленное лицо, возможно, меценат.

² Ассоциация с названием сборника Н.С. Гумилева «Шатер: стихи 1918 г.» (Севастополь: издание Цеха поэтов, 1921).

12

20 III 1926 <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Номер немного опаздывает — не успели сделать все клише¹. Мы приступили к набору второго №, чтобы его не задерживать. Будем очень рады; если Вы пришлете для Charmé Slave² «Сливы» — Шем читал в «Днях»³, и еще некоторые <1 сл. нрзб.>. Но все равно думаем пустить их в Зий номер. — И рисунки⁵.

«Юбилеи» набраны — клише готовы — вышло хорошо⁶.

Что-то «Версты» — действительно выйдут ли?

Это Вы так?⁷

Быть у Вас не могу, так к<а>к до 6-ти веч<ера> на заводе, а потом в типографии до 12 — или дольше <?> — корректура да письма деловые.

М<ожет> б<ыть>, Вы все же ответите мне.

Плакат; повесьте у себя на стене⁸.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дм. Кобяков <подпись>

P.S. пишите по моему адресу на St. Jacques!

На бланке журнала «Ухват».

¹ Первый номер журнала вышел 31 марта 1926 г. В программной заметке Кобякова и художника Александра Павловича Шеметова (со второго номера вышел из редколлегии) устанавливался тематический принцип организации каждого выпуска. Тема дебютного номера «Наша политическая физиономия» в иронических тонах демонстрировала аполитичность редакции журнала и в сатирическом ракурсе представила палитру политических векторов русского Парижа.

² Второй номер «Ухвата» был посвящен теме «Charme slave» (*франц.* славянское очарование).

³ Александр Павлович Шеметов (псевд. Шем; 1898–1981) — художник-график, иллюстратор, живописец; был соредактором Кобякова по первому номеру «Ухвата», в дальнейшем преимущественно занимался графическим оформлением журнала.

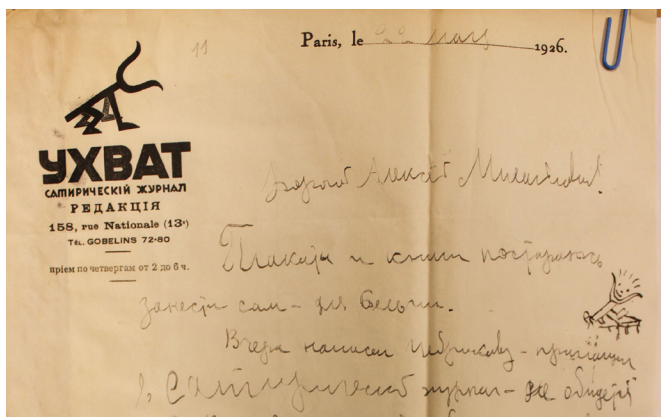
⁴ Здесь ошибочно назван источник первой публикации сказки «Сливы», которая в действительности была напечатана в газете «Последние новости» вместе с двумя другими литературными обработками записей фольклорных сказок, присланных Ремизову этнографом П.Г. Богатыревым («Басуркуны» и «Упырь»), под общим заголовком «Сказки Подкарпатской Руси: По материалам П.Г. Богатырева» (Последние новости. 1925. 23 июля. № 1608. С. 3).

⁵ Сказка «Сливы» появилась в «Ухвате» в сопровождении авторской иллюстрации.

⁶ Речь идет о миниатюре Ремизова «Три юбиляра (1866–1926)» [58], посвященной шестидесятилетию писателей — Вяч. Иванова, Д.С. Мережковского и Льва Шестова, с рисованными портретами каждого юбиляра. По-видимому, отнесение Мережковского, родившегося в 1865 г. к числу юбиляров 1926 г., было продиктовано желанием напомнить о незамеченной дате в календаре событий литературной жизни эмиграции. Свою поздравительную заметку, написанную в форме дружеского приветствия, Ремизов завершал пожеланием выдать «...Нобелевскую премию каждому, а если сразу трем не полагается, то одну, разделяя на три части (поровну)...» (Там же). См. также: [57, т. 14, с. 243–244].

⁷ Подразумевается положение «тайного советника», которое занимал Ремизов в редакциях молодежных журналов. Первый номер журнала «Версты» был отпечатан в десятых числах июня. По мысли создателей — кн. Д.П. Святополка-Мирского и П.П. Сувчинского — это периодическое издание, посвященное всему, «что есть лучшего и самого живого в современной русской литературе» (<Редакционное предисловие> // Версты. 1926. № 1. С. 1), должно было составить весомую альтернативу «мертвым» тенденциям, пестуемым в редакциях парижских толстых журналов, прежде всего, «Современных записках». Об участии Ремизова в формировании первых номеров см.: [24, с. 335–401; 19, с. 8–53].

⁸ По всей вероятности, речь идет о плакате издательства «Птицелов», с анонсом выпущенных книг (сборников Кобякова и Д. Кнута) и издательской маркой работы Ремизова. Плакат, в частности, размещался в рекламном блоке № 4 журнала «Ухват».

Илл. 8. Фрагмент письма Д.Ю. Кобякова А.М. Ремизову. Париж. 1926. 22 мая. На фирменном бланке журнала «Ухват» с рисунком Кобякова. (Amherst).

13

22 Mars 1926 <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Плакат и книги постараюсь занести сам — для Бельгии¹.

<Рис.: «Ухват» за письменным столом>

Вчера написал Цебрикову² — приглашал в сатирический журнал — не обидится он? Вот Сосинский³ — обиделся — и давно уже.

Послал Цебрикову несколько афиш.

Устаю страшно — иногда хочется все бросить — ухвату на рога — но нужно сделать. Первый № еще не совсем такой, к<а>к я хотел бы⁴. Потом выправится — пойдет лучше.

В «П<оследних> Н<овостях>» рассказывали⁵, что много спрашивают журнал, газетчики не знают, где брать его. Постепенно налаживается все.

<Рис. человек бежит, обняв большой ухват>

Надолго ли в Бельгию?⁶

Привет Серафиме Павловне,

Ваш ДмКобяк <подпись>

На бланке журнала «Ухват».

¹ Хлопоты по распространению информации о новом журнале были связаны с предстоящей поездкой Ремизова по приглашению бельгийской Академической группы для проведения творческого вечера.

² Георгий Владимирович Цебриков (1900–1966) — прозаик, переводчик, активист брюссельской Академической группы; участник литературного клуба «Единорог» (1924–1925); сотрудник редакции журнала «Благонамеренный» (Брюссель; 1926. № 1–2); священнослужитель православной церкви (рукоположен в сан дьякона 15 декабря 1925 г.), впоследствии перешел под юрисдикцию римско-католической церкви; жил в Бельгии. Из переписки Цебрикова с Ремизовым выясняется, что брюссельский писатель выслал для «Ухвата» два рассказа – «Письмо» и «Мадрид» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1), однако ни один из них в журнале не был опубликован.

³ Бронислав (Владимир) Брониславович Сосинский (Сосинский-Семихат; 1900–1987) — прозаик, поэт, критик, журналист, мемуарист; принадлежал к числу близких Ремизову молодых литераторов. Осенью 1926 г. выступил на защиту писателя, оказавшегося под ударом политизированной литературной критики. Подробнее см.: [19, с. 40–41]. См. также поздние воспоминания о Ремизове: [64, с. 147–156].

⁴ Первый номер журнала вышел из печати 31 марта 1926 г.

⁵ Возможно, речь идет о подготовке к печати заметки (опубликована за подписью «К.») с обзором двух первых номеров «Ухвата» (Последние новости. 1926. 6 мая. № 1870. С. 3). Не исключено, что упоминаемое посещение редакции газеты Кобяков также использовал как возможность передать главному редактору вышедший в начале года сборник своих стихотворений «Вешняк» (см. п. 8, прим. 5). Из двух экземпляров сборника, находящихся в книжном фонде РГБ, один содержит автограф автора: «Павлу Николаевичу Милокову — с чувством глубокого и искреннего уважения. Дмитрий Кобяков. Март. Paris» (РГБ. Р6с 10/3110).

⁶ Ремизов провел в Брюсселе три дня (с 27 по 29 марта). В помещении “Club de la Fondation Universitaire” (11, rue d’Egmont) 28 марта состоялся вечер чтения, в котором вместе с Ремизовым выступала Тэффи.

14

Paris le 2 Mai 1926

УХВАТ¹

Дорогой Алексей Михайлович.

«Асыку» получил². Спасибо.

По присланным адресам — послал.

Посылаю Вам 2 Ваших рисунка³.Передала ли Вам консьержка журнал? На меловой бумаге — Ваш авторский экземпляр⁴.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб <подпись>

На бланке журнала «Ухват».

¹ 2 мая 1926 г. — Пасхальное воскресенье. Кобяков обыгрывает сочетание букв, в православной символике обозначающее возглас «Христос воскрес!»

² См. прим. 7, п. 10.

³ Речь идет о возврате рисунков после обработки для печати (рис. к рассказу «Сливы» (№ 2) и «Асыка — царь обезьяний» (№ 3)).

⁴ Эксклюзивный типографский экземпляр не выявлен.

15

Paris, le 23 Mai 1926

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил обе Ваши открытки.

Был около Вас — не зайти не мог.

Занят все время страшно — и работаю почти впустую: денег нет и выпуск каждого номера — подвиг¹.

Все еще не теряю надежды выпустить 4 № к 1-му июня². 3-ий № я Вам послал³.

Хотите — напишите об инвалидах — немного. Пойдет в четвертый №⁴.

Отсутствие Осоргина сильно дает себя чувствовать.⁵

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб <подпись>

P.S. М<ожет> б<ыть> зайду в понедельник вечером.

Указан ли источник в «Die Literarische Welt»?⁶

Если да — можно ли получить один №?

На бланке журнала «Ухват».

¹ Четвертый номер открылся объявлением: «Ввиду резкого повышения расходов по изданию УХВАТА издательство вынуждено повысить цену за номер до 2 фр. во Франции и 10 ам<ериканских> центов за границей».

² Четвертый номер (без обозначения темы выпуска) датирован 15 июня.

³ Третий номер, «посвященный семейному счастью», вышел из печати 15 мая.

⁴ На страницах «Ухвата» размещался призыв: «Помогите инвалидам-эмигрантам!!». Предложение Ремизовым не было принято.

⁵ Михаил Андреевич Осоргин (наст. фам. Ильин; 1878–1942) весной 1926 г. находился в Италии. Осоргин был консультантом и автором журнала «Ухват» (печатался под псевд. Робкий человек); рецензировал сборник Кобякова «Вешняк» (см.: [30, с. 87]). О плачевном состоянии дел с журналом «Ухват» накануне выпуска четвертого номера см. письмо Кобякова Осоргину [15, с. 294]. В 1931–1937 гг. Осоргин поддерживал кооптацию Кобякова в масонских ложах Парижа. Причастность Кобякова к деятельности ложи «Юпитер», «Гамаюн», «Северные братья» зафиксирована в исследовании: [25]. См. также упоминание Кобякова и Осоргина в списке тайного братства, приведенном на обезьяньей «Рыцарской грамоте рыцарей пламенного меча», дарованной Н.В. Зарецкому 23 августа 1932 г. в Париже [18, с. 143–144].

⁶ Подразумевается публикация журналистской реплики Ремизова «Три юбиляра» (с рисунком автора) на немецком языке: *Remisov A. Die Drei Jubilare (1866–1926) / Übers. H. Ruoff // Die Literarische Welt. 1926. 7. Mai. № 19. S. 151.* На русском языке эта юбилейная заметка появилась еще в конце марта, в первом номере журнала «Ухват» (см. примеч. 6, п. 12). Немецкий перевод не содержал ссылок на парижский источник текста.

16

Paris, le 27 Mai 1926

Вечер

Дорогой Алексей Михайлович!

Я был болен и только сегодня вечером встал: хочу пойти посмотреть, что за клуб парижский¹.

Не понимаю, почему Вы решили, что «Parfumerie» *«не идет»*?²

И разве может — что-н<и>б<у>д<ь> *Ваше* не идти в «Ухват»?!

Ваш ДмКоб <подпись>

№№ пришлю или занесу сам.

На бланке журнала «Ухват».

¹ Клуб, получивший название «Очаг друзей русской культуры» (square Rapp, 6), был официально учрежден 28 ноября 1926 г. Его управление строилось на общественных началах с выборами «старшин». Очевидно, Кобяков ассоциировал новый литературный клуб с первой эмигрантской институцией подобного рода, организованной в русском Берлине 4 ноября 1922 г. В числе основателей берлинского клуба писателей были А.М. Ремизов и М.А. Осоргин. Этот центр литературной жизни русской диаспоры, нацеленный на сохранение «интимно-дружеской атмосферы» профессионального цеха, просуществовал до 20 октября 1923 г. См. краткую историю: [5, с. 43].

² Речь идет ремизовской подборке газетных объявлений под названием «Parfumerie» (Ухват. 1926. 15 июня. № 4. С. [14]). См. также прим. 2, п. 17.

17

25 <июня> вечер <1926. Париж>.

Дорогой Алексей Михайлович!

№ 5 выходит 1-го июля. Я постараюсь принести Вам корректуру в понедельник¹. Опечатки — не по моей вине — я ведь Вам показывал². Шаржи Эндена <sic!> — находятся у их оригиналов и Ваш портрет первый в 6-м³.

Дм. Кобяков <подпись>

¹ Подразумевается иронический свод житейских *maxima regula*, озаглавленный «Воровской самоучитель» (Ухват. 1926. № 5. С. [10]; см. также: [57, т. 14, с. 223–225]. Обстоятельства частной жизни Ремизова 28 июня (понедельник), как и весь конец июня подробно расписаны писателем в его ежедневных посланиях С.П. Ремизовой-Довгелло, находившейся в это время на курорте. Характерно, что в этих письмах среди упомянутых посетителей и встреч имя Кобякова, как и хлопоты с «Ухватом», не встречаются. См.: [56, с. 54–87].

² Речь идет о замеченном упущении подзаголовка в публикации «Parfumerie» (см. прим. 2, п. 16). Сохранившийся черновой и белой автографы содержат первоначальное название этой подборки объявлений из рубрики знакомств, которое расхотлось с заголовком состоявшейся публикации и носило эвфемистический оттенок: «Разнож.....а (наши разногласия)» и «Разнож.....» (Amherst. Series 1. Box 11. Folder 23, Folder 12). Авторский замысел оставался непонятным, пока в шестом номере не появилось авторское «Управержение» с объяснением: «№ 4 “Ухвата” в “Парфюмерии” А. Ремизова по несчастной случайности выпал подзаголовок: “из зарубежной прессы” — без чего дух пропал в “духах”. Как понятно многим, материал собран из газетных объявлений “Руля” и “Голоса России” за 1922 год» (Ухват. 1926. № 6. 20 июля. С. 11; черновой автограф этого фрагмента: Amherst. Series 1. Box 11. Folder 18). В заметке «Управержение» также была помещена поправка писателя к пропуску типографского набора в тексте «Воровского самоучителя» (см. прим. 1).

³ В шестом номере журнала миниатюра Ремизова «Книжникам — и — фарисеям» сопровождалась шаржированным портретом, выполненным художником Н. д’Эн (N. d’Haine) с датировкой: 1925.

18

13 января <19> 27 г. <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Рисунок очень хорош! Подошел бы очень к стихам, если вы разрешите поместить его на обложку книги¹. Ответа от издателя еще не получил. В субботу хочу пойти к нему. Если откажется, рискну издать сам: лишь бы уговорить фотографа не брать денег вперед!

Как Вы себя чувствуете сейчас?

Напишу, когда выясню с книгой.

«Версты» вышел уже второй №⁰², а я толком не читал и 1-го!

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб <подпись>

На бланке журнала «Ухват».

¹ Первоначальное обсуждение оформления поэтического сборника, составленного из стихотворений 1925–1926 гг.: *Кобяков Д.* Горечь: Третья книга стихов. Париж: Птицелов, 1927. 15 с.

² Во второй книге журнала «Версты» Ремизов опубликовал некролог: «“Заветы”: Памяти Леонида Михайловича Добронравова. 1887 — † 26.5.1926» (С. 122–128), а также два документа русской бытовой культуры: «Указ. 1710 г.» и «Паспорт» (С. 114–121).

19

Paris, le 20 января 1927 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Мне не уменьшить — увеличить хочется Ваш рисунок. И в две краски. Еще <важно?>¹, как. М<ожет> б<ыть>, сам рисунок в две

краски (нужна Ваша помощь) или же только имя и название книги другой краской. Можно еще так: оставить Ваш рисунок — к<а>к есть, а кругом (Вашу же) вязь, рамку, другой краской².

Как хотите.

Вот только название:

Щуп³

Рисунок очень нравится мне и к стихам подходит. А название — боюсь — нет. В этой книге не такие стихи. Потом пришлю Вам несколько стихов, прочтете. Что-нибудь вроде —

Ечерни етер, к<а>к, помните
Засахаре кры⁴

и

Ой конин дан окейн — Асеева⁵

Ечерни етер, просто — вечерний ветер. Вы поймете меня⁶.

Вешняк — мне нравится очень. Стихи Вы читали раньше выхода книги⁷. Можно оставить и «Щуп», если хотите Вы: слово мне нравится.

А сейчас я мечтаю создать «Общество духовного общения с современной Россией» — орду поэтов. М<ожет> б<ыть> что-нибудь и выйдет. Потом напишу подробнее.

Привет Серафиме Павловне.

Искренне любящий Вас

ДмКоб <подпись>

На бланке журнала «Ухват».

¹ В самодельном альбоме с письмами предполагаемое слово заклеено полоской бумаги.

² Согласно заметке, опубликованной в «Последних новостях» (1927. 24 февраля, № 2164. С. 4, рубрика «Дневник писателя»), сборник вышел из печати 15 марта, художником-оформителем издания выступил друг поэта Ф. Рожанковский, предоставивший дизайн обложки: рисунок, выполненный в технике гравюры по дереву (композиция из веток и колосьев), и надписи: Дмитрий Кобяков. / Горечь / Птицелов. Париж, 1927).

³ Предложенное Ремизовым название «Щуп» впоследствии было использовано для заголовка отдела критических заметок в «Новой газете» (1931), под названием «Щуп и цапля», См.: [57, т. 14, с. 208–212, 220–223].

⁴ Стихотворная строка Кобякова отсылает к названию сборника произведений авангардистов «Засахаре кры. Эго-Футуристы: Альманах V» (СПб.: Петербургский глашатай И.В. Игнатьева, 1913). Содержание книги было представлено критической статьей И. Игнатьева «Эго-футуризм», которая содержала своего рода литературный некролог эстетической программе И. Северянина, здесь же публиковались «поэзы» В. Гнедова, П. Широкова и В. Шершеневича.

⁵ Название четвертой книги стихов Николая Асеева «Ой конин дан окейн!» (М.: Лирень, 1916).

⁶ О поэтическом дебюте Кобякова в кругу футуристов см. вступ. статью (С. 318–319 наст. изд.).

⁷ См. прим. 5, п. 8.

30 янв <аря> <1927. Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Посылаю два стихотворения¹. Не могу больше, переписывать устал. Устаю на работе, устаю дома.

Я писал Вам о союзе изучения Советской России².

Да разве радио послушать Московское — хотя бы из-за этого — не стоит начать что-нибудь? А иметь возможность прочесть газеты и журналы, и книги в нейтральном месте? Купить — дорого, да и не везде есть — идти куда-нибудь — не всякий рискнет.

(Я, например, боюсь).

Разве преступление писать письма в Россию? А фотографии, а картинки?

Столько можно сделать.

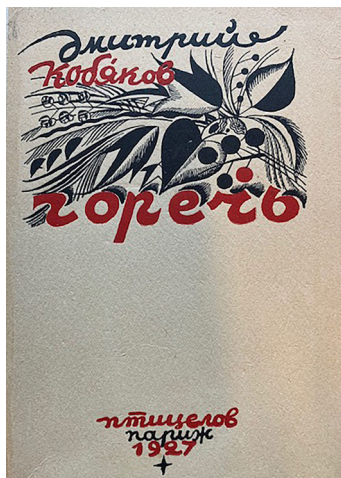
«Версты» начали хорошо — но я все еще толком не разберусь. Сувчинский — «полпред Евразийства» — ?³

Потом пойму. Все некогда подумать просто.

Если можете, пришлите мне, пожалуйста, адрес Андрея Сосинского⁴

Привет Серафиме Павловне

Ваш ДмКоб <подпись>

Илл. 9. Обложка поэтического сборника. Худ. Ф.С. Рожанковский — Кобяков Д. Горечь: Третья книга стихов. Париж: Птицелов, 1927.

Бистро⁵

Мне снова кажется (когда бы повторилось!)
В зеркальном шуме дымного бистро —
Базары сонные далекого Каира
И желтой заводи отяжелевший рог.

И в узких улицах (когда б не эта рама!)
И солнце жар (холодное стекло!)
В дыму зеркал блестят вершины храма
И эта площадь — потускневший стол.

Но встать нельзя — просижены диваны —
Кто здесь свершит полуденный намаз?
Когда копьем простая ложка ранит
В предсмертном стоне увидавших глаз!..

Путешествие⁶

Борису Пастернаку

Каким просторам открывал?
Где намечают поцелуем?
И карты — эти два крыла —
Какими ветрами надует?

Дорожку в снеге проторил
Губами, картами, в карете —
Какими воплями горилл
На острове нас ветер встретит?

Летим — там лучше — губ и глаз.
Багаж (как поцелуй) уложен.
О денди, Леди, Джим! Каркас
Английских полюсов не сложен!

¹ К письму приложен автограф с третьим и первым стихами из сборника «Горечь. Третья книга стихов. Париж: Птицелов, 1927. С. 2.

² См. п. 19.

³ Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) — музыковед, пианист, публицист; в 1921 г., один из идеологов евразийского движения. Подробнее см.: [22, с. 92–100]). В 1926–1928 гг. Сувчинский — редактор Д.П. Святополк-Мирского по журналу

«Версты»; в процессе подготовки к печати первого номера журнала сблизился с Ремизовым, с которым познакомился в 1922 г. в Берлине, и сохранил теплые отношения на долгие годы. Подробнее о Сувчинском см. статью Дж. Мальмстада, начинавшуюся с цитаты из рабочих тетрадей Ремизова: «С первого глаза в Берлине мне понравился П.П., с ним хорошо разговаривать о знаменном распеке. Он весь в пении <...> Он был душою “Верст” и меня никогда не гнал <...> В нем было что-то от русской истории, когда он появлялся переполненный евразийством, его мысль закигалась и сверкала. Такие были в 20-х годах шеллингянцы, а потом гегельянцы, я не сказал бы “марксисты”, которые уже очень кратки и безнадежно “реальны”» [6, с. 327–347]. Свое звание в игровой табели о рангах ремизовской Обезьяньей Великой Палаты Сувчинский получил в начале лета 1925 г. «Полпред Евразии» оказался единственным кавалером Обезвелопада, кто завизировал личной подписью посвящение Кобякова в «служилые люди» Палаты (см. расшифровку грамоты Кобякова, датированную 11 августа 1925 г. на С. 311–312 наст. изд.); дата торжественного приобщения Сувчинского к разряду «служилых людей» Обезвелопада уточняется по письму Ремизова Д.А. Шаховскому от 18 августа 1925 г.: «Вчера наконец состоялось возведение Сувчинского в кав<алеры> и полпреды Евразии. Кн<язь> Мирский принес Royal Gallias и возведенного по обычаю полили для роста и плодотворения» [39, с. 222].

⁴ Ошибка имени. Подразумевается Б. Сосинский (см. прим. 3, п. 13).

⁵ Третье из тринадцати стихотворений сборника «Горечь», завершено датировкой: «Париж. 1925–26 г.»

⁶ Стихотворение с посвящением «Борису Пастернаку» открывало сборник «Горечь». О подражании Кобякова поэзии Б.Л. Пастернака см.: Бем А. «Скит поэтов» // Своими путями. 1926. № 12–13. С. 47. А также отзывы на сборник «Горечь»: [30, с. 87; 29, т. 2, с. 253–254]. Ср. также воспоминания Ю. Софиева: «Эмигрантские святые литературные отцы очень его не жаловали. Вл. Ходасевич с присущей ему злостью ввел термин “кобьяковщина”, характеризующий весьма отрицательное и малодостойное литературное явление, сведя все его поэтическое творчество — к “неумному и безобразному подражанию Пастернаку”, что вовсе не было ни справедливым, ни объективным суждением. Влияние Пастернака на Дмитрия отрицать нельзя, но и каждый из нас развивался под чьим-то влиянием, период ученичества проходил каждый из нас, все дело в преодолении этого влияния и в нахождении своего собственного лица» [65, с. 110]. Процитированный пассаж восходит к статье Ходасевича «Скучающие поэты», в которой рассматривается феномен Пастернака, а имя Кобякова становится назывным. Ср.: «В конце концов скучающие поэты приходят к тому, что скучна становится их поэзия. То, что в оригинале остро, в подражании тупо. Бумажные стрелы не ранят. Природное свое косноязычие Пастернак все же сумел превратить в прием, нередко достигающий цели и нечто “пастернаковское” выражающий. У Кобяковых он решительно ничего не выражает, кроме бездарности» [71].

21

5 февраля <1927. Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

На днях буду у Миха<ила> Андреевича и поговорю. То, что затеял он (если не ошибаюсь), считаю просто вредным. Тем более плохо мне, что то, что задумал я — параллельно-противоположно этим со-

браниям «молодежи»¹. Ничего нового Бунин не скажет, и все такое². Нужно собираться не для воспоминаний (для этого и собираться нечего!) — нужно учиться новому, узнавать, что сделано, что существует теперь в России!

А все эти имена (здешние) давно оскомину набили. Делают из Парижа Торжок или Клязьму, Тверь — в лучшем случае!

Даже те, кто ненавидят Россию (к<а>к будто нельзя отделить власть от страны) должны изучать своих врагов.

Все это не ново, знаю, но я не теперь начал думать так. Плохо то, что я так устаю, что думать не могу. Мозг слипается, не шевелится.

Что же литература иностранная: плохое мы будем иметь представление, по таким образчикам, к<а>к «Тайна Замка Зенда»³ или «Заговор»⁴. Я читаю переводную литературу, но могу брать только в Тургеневской библиотеке, а там мало⁵.

Хочу прийти к Вам в среду в 7 ч. М<ожет> б<ыть>, удастся поговорить серьезно. Только начните Вы — а то я пугаюсь — и Вы только плохое и видите. Разучился говорить первый. Отвечать еще могу.

Ваш ДмКоб <подпись>

Привет Серафиме Павловне.

В «Москве» продано 27 экз<емпляров> «Вешняка»

У Поволоцкого — 17⁶

В других магазинах по 2–3.

¹ Речь идет об инициативе М.А. Осоргина организовать на постоянной основе у себя дома собрания единомышленников, преобладающий контингент которых составляли представители масонских лож Парижа. Основная тема встреч, как следует из письма Кобякова, — история и культура России. Ср. воспоминания Ю.Б. Софиева, раскрывающие иронический подтекст строк письма Кобякова, относительно возрастной группы гостей писателя: «У М.А. Осоргина, если не ошибаюсь, по понедельникам вечером регулярно (опять-таки не помню, каждый или через понедельник) собирался кружок, кружок этот носил несколько специфический характер, в него, действительно, входило некоторое число литературной «молодежи» («молодежи» по эмигрантским особым меркам, где некто был моложе Бунина, Зайцева, Осоргина, Шмелева, Мережковского и т. д., все, кто начал свою литературную деятельность уже в эмиграции, до конца эмигрантских дней оставался «литературной молодежью»), но кружок этот не был литературным и Осоргин, и Ладинский были «братьями» «Северной звезды», и у Осоргина по понедельникам как раз и собирались масоны, среди которых, действительно, было немало и литературной молодежи. Беседы велись на «душеспасительные масонские» темы, которые очень скоро всем надоедали, уступая место литературным сплетням, спектаклям, и вообще литературным событиям. Осоргин приглашал по преимуществу литераторов, входивших и в другие ложи. Татьяна Алексеевна <Осоргина> приготавливала чай, бутерброды и удалялась в свою комнату» [65, с. 81–82]. Начинание Осоргина составило конкуренцию Кобякову, воодушевленному идеей создать «союз изучения Советской России» (см. в п. 19 и 20). См. также: [63].

² Одновременно под руководством М.А. Осоргина и И.А. Бунина начался лекционный курс «Беседы о русской культуре» в новом кружке для литературной молодежи, созданном в русле программы, выдвинутой Обществом русских студентов (парижский Русский народный университет). Первая лекция состоялась уже 6 февраля. Ср. отчетную заметку: «В воскресенье на рю де ла Помп <...> состоялась первая лекция “Беседа по русской культуре” Русского народного университета. Зал был настолько переполнен, что за недостатком места многим пришлось отказать в билетах. Вступительное слово произнес председатель Русского народного университета Н.В. Дмитриев, в кратком обзоре указавший на основные цели и на результаты деятельности университета. <...>. Затем выступили с речами М.А. Осоргин и проф. Д.М. Одинец. Встреченный и провожаемый аплодисментами И.А. Бунин прочел свой рассказ “Поруганный Спас”» (Возрождение. 1927. 8 февр. № 616. С. 3).

³ Подразумеваются приключенческий роман «Узник Зенды» (The Prisoner of Zenda) английского писателя Энтони Хоупа (англ. Anthony Hope Hawkins; 1863–1933), который в русских переводах (без имен переводчиков) издавался в 1894, 1904 гг. под названием «Царственный пленник».

⁴ Автор не установлен. В 1927 г. под одноименным названием был опубликован роман М.А. Алданова (Берлин: Слово, 1927), посвященный павловской эпохе российской истории.

⁵ Русская общественная библиотека (La Bibliothèque Russe Tourguenev) — одна из старейших русскоязычных библиотек, основанных за пределами России, организована при непосредственном участии И.С. Тургенева 15 февраля 1875 г. Подробнее см.: [61].

⁶ Парижские магазины русской книги: «Москва» (9, rue Dupuytren), владелец Евгений Александрович Бреннер (1895–1954); Я. Поволоцкий и Ко — издательство и книжный магазин (13, rue Bonaparte), владелец Яков Евгеньевич Поволоцкий (наст. имя и фам. Бендерский Яков Ефимович; 1881–1945).

22

23 марта <1927. Париж>. Утро

Дорогой Алексей Михайлович!

Открытку получил. На будущей неделе собираюсь к Вам — принесу несколько книг.

Вечер паче чаяния прошел удачно. Осоргин виноват!¹

Если бы можно было получить «Версты»! Купить не могу.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш ДмКоб <подпись>

¹ Союз молодых поэтов и писателей организовал вечер чтения Кобякова. Выступление поэта предвлялось докладом критика Е.А. Зноско-Боровского о творчестве парижских поэтов. Кобяков читал стихи из своей новой книги «Горечь» (см. примеч. 1, п. 18) и поэмы «Панам» [62, т. 1, с. 320]. Возможно, идея творческого вечера первоначально была связана с потребностью найти спонсоров для продолжения издания «Ухвата». Этот замысел Кобяков еще в январе обсуждал с М.А. Осоргиным. Ср. письмо от 18 января 1927 г., в котором поэт, не принимая ироническую реакцию адресата,

мотивировал идею творческого вечера желанием «помянуть» собственное издательское детище, за недостатком средств прекращенное на шестом номере в минувшем 1926 г., и надеялся на возрождение журнала: «Дорогой Михаил Андреевич! Не о вечере типа Аминады <sic!> мечтал я. Не корыстную цель преследовал. Просто хотелось вызвать милую тень Ухвата — и вспомнить о том, чего не было. Собралось бы несколько избранных и посвященных, м<ожет> б<ыть>, кто-нибудь и улыбнулся, и запомнил бы вечер. Вот и все. <...> Неужели совсем никак нельзя достать денег? Но, хоть на один №! Михаил Андреевич...» [РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407. Л. 4].

23

1 мая <1927. Париж>
55, rue Périer. Montrouge

Дорогой Алексей Михайлович!

Разрешите прийти к Вам с фотоаппаратом и снять <sic!> Вас. Мне хочется — всю голову на пластинку (13x18) и сидящем <sic!> за столом¹.

Лучше, конечно, днем до 2-х часов.

Привет Серафиме Павловне

Ваш ДмКоб <подпись>

¹ Кобяков занялся созданием галереи фотопортретов известных представителей русской эмиграции весной 1927 г. Выполненный фотопортрет вскоре пригодился по запросу издательства «Plon», выпустившего в 1927 г. повесть Ремизова «Оля» на французском языке. Ремизов также способствовал организации фотосессий среди знакомых литераторов. Ср., в частности, его письмо П.П. Сувчинскому от 8 августа 1927 г.: «...к вам явится фотограф с большим аппаратом ХАН КОБЯК. В 20 мин<ут> снимет вас <—> голову (бесплатно). Дайте ему карточку на тот же предмет к Л.П. Карсавину» (Bibliothèque nationale de France. RES VM DOS-92 (48)). Фотография работы Кобякова среди известных фотопортретов Ремизова не атрибутирована. Кобяков также фиксировал предметы творческой обстановки рабочего кабинета Ремизова. Его фотоработы, запечатлевшие куклу Фейерменхен из коллекции писателя, экспонировались на выставке, устроенной Н.В. Зарецким в сентябре 1933 г. в Большом зале пражского Народного музея. См. объявление: Числа. 1933. Кн. 9. С. 197. См. также упоминания об участии Кобякова в выставке: *Василий Куковников* [Ремизов А.М.]. Выставка рисунков писателей: (Письмо из Праги) // Последние новости. 1933. 30 дек. № 4665. С. 3. См. также: [57, т. 14, с. 197–198].

24

8 мая <1927>

Дорогой Алексей Михайлович!

В июне — так в июне. Конечно, как у Шумова¹ — у меня не выйдет — но все-таки попробую. Покажу образец своих работ. Я стал теперь профессиональным фотографом².

Дм. Кобяков <ропись>

¹ Петр Иванович Шумов (фр. Pierre Choumoff; польск. Piotr Szumow; 1872–1936) — французский фотохудожник русского происхождения, личный фотограф Огюста Родена; держал фотоателье в районе Монпарнас (рю дю Фобур Сен-Жак, 5, XIV округ). В 1920 г. Шумовым создана галерея фотопортретов известных русских деятелей культуры. См.: Русский парижанин. Фотографии Петра Шумова. М.: Русский путь, 2000.

² Во второй половине 1927 г. Кобяков выполнял профессиональные заказы на портретную фотографию и фотохронику для журнала «Иллюстрированная Россия» (см. фотопортреты доктора А.О. Маршака (1927. 27 августа. № 35 (120). С. 16–17; фотоотчеты о деятельности Народного университета в Париже к очеркам Н.П. Дерягина и В.П. Катенина (1927. 3 сентября. № 36. С. 14–15; 17 сентября. № 38. С. 13–14).

Илл. 10. А. Шем. Д.Ю. Кобяков. Шарж. 1926. Опул.: Ухват. 1926. № 4. 15 июня. С. [6].

25

14 июля <1927. Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Если Вы не уехали, то может быть теперь можно прийти и снять Вас. Не писал раньше, потому что не было денег на покупку больших пластинок (18х24), а снимать Вас на 13х18 — раздумал. Знаю только, что аппарат у меня не больше, чем 18х24 — вот бы снять Вас 30х40!

Хочу снять голову. Это займет не больше 20 минут.

Ваш ДмКоб <подпись>

55, rue Périer. Montrouge Seine

P.S. Теперь я научился хорошо снимать.

26

22 мая <19>27 г. <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Большой Ваш портрет — очень хорош¹. Маленький — плох. Это досадно, потому что маленький (13х18) я могу сам делать, а большой (18х24) — у фотографа. Как только немного подработаю — возьму у него оттиск и принесу Вам. Мне очень интересно Ваше мнение о нем. Алданов тоже вышел очень хорошо.

Сиротин Рома <?>² — плохо! Сегодня или завтра пересниму его тогда уж очень темно было. Он передавал Вам привет.

Скоро приду — принесу Ваш образ.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш фотопоэт ДмКобяк <подпись>

¹ Ср. письмо Ремизову секретаря Союза русских писателей и журналистов В.Ф. Зеелера: «Д. Кобяков очень удачно снял Вас — показывал мне снимок...» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 12).

² Неустановленное лицо.

27

12 августа <1927. Париж>. 10 ч. Утра. *Кафе Робик* — около Вас¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Вчера получил Ваше письмо, приехал, чтобы дать фотографии (4 шт.<уки>) — а Вы уехали!²

Сейчас к Сосинскому ехать никак не могу — так занят. Да знает ли он ретушь? Он печатал у Шумова³.

Губу можно исправить на отпечатке — только я не умею. Если дойдет это письмо до Вас — напишите адрес — перешлю фотографии.

Рад, что вы все же уехали. Далеко? А я каждый год — все в Париже. Утешаюсь, что Montrouge — все же деревня⁴.

Ваш ДмКоб <подпись>

¹ Подразумевается 16 округ Парижа, rue Mozart, где жил Ремизов.

² С 12 по 29 августа 1927 г. Ремизов с женой отдыхал на побережье Атлантического океана, в Бретани.

³ Сосинский состоял в дружеских отношениях с П. Шумовым, перенимая от фотохудожника основы мастерства. Ср.: «Я работал тогда фотографом, помощником его <Шумова — Е.О.>, так сказать, делал оттиски, даже учился заниматься ретушью, работал у него в ателье и, в общем, присмотрелся не только к людям, которые приходили к нему, но и к его образу жизни» [38].

⁴ Пригород Парижа.

28

1—III—<19>28

Дорогой Алексей Михайлович.

Простите, что так долго не приносил карточек¹: все время работаю — до 2 ч. ночи. Я к<а>к раз собирался отвезти их, когда получил Ваше письмо.

Жаль, что не застал Вас дома.

На днях буду у Вас.

Ваш ДмКоб <подпись>

¹ Подразумеваются фотопортреты Ремизова.

29

31-ое июля <1928. Париж>

Дорогой Алексей Михайлович

Письмо Ваше и книгу получил¹.

Ответил — думая видеть Вас в воскресенье <1 или 2 сл. нрзб.>², не застал.

У меня нет ни одного экз<емпляра> Вешняка³. М<ожет> б<ыть> у Вас сохран<илось> несколько книг?

С 1-го августа у меня новый адрес:

46, rue Volta (III).

Я очень устаю и ничего не могу писать.

Ваш Дм. Кобяков <подпись>

¹ Вероятно, издание: Ремизов А. Оля: Повесть. Париж: Вол, 1927.

² Край письма заклеен бумагой.

³ См. п. 8, прим. 5; п. 10, прим. 4.

30

<1928, август-? Париж>

Воскресенье — сегодня.

Дорогой Алексей Михайлович!

Карточки перешлю на днях. Простите, что не сделал раньше: заматался в поисках собственной книги¹.

Если Вы знаете адрес африканской этики <?>² — буду очень благодарен, если сообщите.

Надо ж его снять в конце концов! Где отец Глеб?³ Хотел бы повидать.

Привет Серафиме Павловне.

11 bis, rue Jules Chaplain (6)

Ваш Дм. Кобяков <подпись>

¹ Намерение Кобякова профессионально заняться фотоискусством подтверждается фирменным бланком (на котором написано письмо) с типографской надписью: “Studio Kobiakov — le portrait d’art moderne (33 rue Delambre. Métro: Vavin)”.

² По-видимому, речь шла о В.Н. Унковском (см. п. 31, прим. 1).

³ Возможно, употреблено воспринятое от Ремизова шуточное прозвище поэта Глеба Петровича Струве (1898–1985) как «отца настоятеля». В 1928 г. младший Струве вместе со своим отцом Петром Бернгардовичем Струве (1870–1944) начал издавать газету «Россия и славянство».

31

16 октября <19>28 <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович!

Как сделать, чтобы не обидеть доктора¹? Очень крокодилова шкура велика — а комната у меня маленькая — никак вместе не поместимся! Вот если бы кусочек шкуры в виде портсигара или бу-мажника — куда ни шло!

Тоже о клинике: сам искал ему помещение — и нашел было — но вряд ли смогу стать полезен: он венеролог, ведь, а я больше по женской части — не споемся никак!

Адреса его не помню, хочу написать.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Дмитрий Кобяков

¹ Речь идет о Владимире Николаевиче Унковском (1888–1964) — медике по образованию, журналисте, получившем благодаря Ремизову прозвище «африканский доктор», под которым он стал постоянным «проходным» персонажем прозы писателя. Прозвище отражало обстоятельства биографии Унковского. В 1920 г. он эмигриро-

вал сначала в Грецию, затем через Константинополь перебрался в Сербию, где до 1924 г. служил врачом сербского полка; после отставки весной 1925 г. приехал в Париж. Не найдя работу, завербовался на службу во французскую колонию Западной Африки. После короткой стажировки по тропической медицине в Дакаре, в сентябре был назначен полномочным санитарной частью Дагомеи (после 1975 г. Бенин), расположенной в столице Порто-Ново (биографические сведения изложены в письме Унковского Ремизову от 19 сентября 1925 г. — Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1a). См. о нем также: [4, с. 76].

32

Пятница 25 июля <1930>
35, rue du Damer
Bruxelles Nord

Дорогой Алексей Михайлович!

Иван Андреевич¹ отсоветовал мне зайти к Вам — перед отъездом — из-за Вашего переезда². Я очень прошу Вас — пришлите мне адрес Цебрикова, Шаховского³ — и мне, как Вы знаете, в Брюсселе: я здесь один — никого нет знакомых.

Если Вам нужно что-нибудь в Брюсселе — напишите, исполню.

Ваш Дм. Кобяков <подпись>

¹ Писатель Иван Андреевич Болдырев-Шкотт (1903–1933), знакомство Ремизова с которым началось весной 1927 г. Подробнее об этом см. в поминальном очерке «Над могилой Болдырева-Шкотта (1903–1933)» [57, т. 9, с. 265–268].

² В начале июня 1930 г. Ремизовы переехали с квартиры в доме 11 по Bd. Port-Royal (XIII e) в квартиру по адресу: 3 bis Av. J.B. Clément, Boulogne sur Seine.

³ См. п. 13, прим. 2. Дмитрий Алексеевич Шаховской (в дальнейшем Архиепископ Иоанн; 1902—1989) — поэт, литературный критик; в эмиграции с 1921 г.; в 1922 — 1927 г. жил в Бельгии; в 1925 г. студент последнего курса историко-филологического факультета Лёвенского католического университета; в 1926 г. редактор журнала «Благонамеренный», в котором сотрудничал Ремизов. Подробнее см.: [19, с. 14–26; 16, с. 87–90]. Неудачи с журналом способствовали решению Шаховского принять монашеский постриг; обряд Отречения от мирской жизни состоялся 23 августа 1926 г. на Афоне [39, с. 99–103]; 1 ноября поступил в парижскую Духовную академию (Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже).

33

3<?>–VIII–<19>30. Bruxelles

Дорогой Алексей Михайлович!

Жаль, что Цебриков и Шаховской поспешили <уех-?>ать: так я и не видел их. Вот уж почти месяц, к<а>к я не говорю по-русски — скучно это очень! Жаль тоже — что не видел Святейшего <отца-?> Верховского: он мне снится иногда в кошмарах¹.

А я все еще хожу «по-человечески».

Купил и прочел от доски до доски «Взвѣхренную Русь». Отрывки читал раньше, слышал в Вашем чтении² — но книга — изумительна! Мне кажется, не многие могут похвастаться, что прочли ее всю. Читал — почти месяц.

Что мне нравится в Брюсселе — это тишина — и чистый воздух и еще уборные: большие, светлые и чистые. Не всякий русский имеет комнату для жилья такую.

— Был ли хоть один солнечный день в Париже? Здесь не было.

В одной маленькой улочке «Улице трех бриллиантов» нашел отель — под названием: «Гостиница пяти колоколов» и это не дает мне покоя. Пишу же я не рассказы — а роман «<1 сл. нрзб.> Сербии <?>» с эмигранткой из «Крестовых сестер»³.

Привет Серафиме Павловне.

Ваш Кобяков

¹ Неустановленное лицо.

² Роман Ремизова «Взвѣхренная Русь» (Париж: Таир, 1927), фрагменты которого писатель читал на своих творческих вечерах.

³ Повесть «Крестовые сестры» впервые появилась на страницах Литературно-художественного альманаха изд-ва «Шиповник» в 1910 г. (Кн. 13. С. 159–297).

34

Paris le 15 – II – <19>34
40, rue N<otre> D<ame> <de> Nazareth (III)

Дорогой Алексей Михайлович!

Недавно узнал у Осоргина Ваш новый адрес¹, можно ли прийти к Вам и когда это удобно?

Хочу пойти на Ваш вечер 24 — III, если можно — пришлите мне приглашение (к<a>к раньше)², мне и моей невесте³.

Привет Серафиме Павловне

Искренне Ваш Дмитрий Кобяков

¹ 1 октября 1933 г. Ремизов с женой переехали на 7, rue Boileau (XVI e).

² Десятый вечер чтения Алексея Ремизова прошел 24 марта 1934 г. в Salle du Foyer de la Musique russe по адресу: 26, Avenue de Tokio. Для литературно-художественной аудитории Ремизов собственноручно изготавливал именные билеты, обычно украшенные наклеенными картинками или авторскими рисунками, а также его автографом. Кобяков бывал на парижских выступлениях писателя, ставших ежегодными с 1925 г.

³ Возможно, речь идет о Нине, будущей жене Кобякова, которая была медиком по специальности. Рисованный портрет жены Кобякова сохранился в его письмах М.А. Осоргину 1930 г. (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. №. 407. Л. 3).

Илл. 11. «Честный слон».

35

8 ноября 1945 <Париж>

Дорогой Алексей Михайлович.

Пишу здесь кратко и стараюсь разборчиво, чтобы не утомлять Ваши глаза. С большим трудом удалось восстановить газету, вышел, правда, слоненок, но не в формате дело¹. А содержание получается не очень хорошим. Спасибо Пантелеймонову². За его моральную поддержку — вот — единственный человек — поверил мне.

Значит — честный человек.

В «Раб<очем> Слове» появился Ваш рассказ³. — Вот почему я обращаюсь к Вам: неужто «Слон» хуже?

Очень прошу, дорогой Алексей Михайлович, дайте что-нибудь мне. Ведь я работаю сейчас в мастерской от 8 утра до 6 веч<ера>, чтобы Слон мог выходить. Мне кажется, что Борис Григорьевич поддерживает мою просьбу. С искренним приветом,

Ваш Д. Кобяков

¹ «Честный слон = L'honnête éléphant» — еженедельная литературно-сатирическая газета; выходила в Париже с 3 марта по 8 декабря 1945 г. под редакцией Д. Кобякова. См. также: [28, с. 141]. Письмо написано на фирменном бланке редакции газеты.

² Борис Григорьевич Пантелеймонов (1888–1950) — химик по образованию; очеркист, прозаик; в эмиграции с нач. 1930-х гг., сначала жил в Бейруте; в Париже оказался в 1937 г.; с этого времени вошел в дружеский круг Ремизова как муж Ирины Ивановны Кристин — знакомой писателя и его жены еще с дореволюционных времен. Пантелеймонов принимал активное участие в литературной жизни Парижа: организовывал издания сборников; сотрудничал с газетой «Советский патриот» (Париж, 1945–1948) — органом исполнительного комитета Союза советских патриотов; герой романа Ремизова «Мышкина дудочка».

³ Ремизов А. Мышкина дудочка: из повести «Очарование» // Рабочее слово. 1945. Ноябрь. № 9/61. Русскоязычная газета, выходившая в Париже с 1927 г., в начале не-

мецкой оккупации в 1939 г. прекратила свое существование, возобновившись на недолгий срок в 1944–1945 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс; Универс, 1993. 368 с.
2. Баскаков Н.А. К этимологии половецких собственных имен в «Слове о полку Игореве» (Шарокань, Кончак, Гзак, Кобяк, Овлур) // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. ст. к 70-летию В.И. Борковского. М.: Наука, 1971. С. 38–42.
3. Грачева А.М. Литературные мистификации А.М. Ремизова 1940-х годов // Русская литература. 2019. № 4. С. 191–199. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-191-199
4. Грачева А.М. О писателе Федоре Сологубе, беллетристе Владимире Унковском и редакторе Алексее Ремизове // Русская литература. 2013. № 4. С. 75–84.
5. Демидова О.Р. Изгнание как посланье: эстезис и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 352 с.
6. К истории евразийства: М. Горький и П.П. Сувчинский / публ. Дж. Мальмстада // Диаспора: Новые материалы. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2001. Вып. 1. С. 327–347.
7. Казан М.Д. Кобяк // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. СПб: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3: К–О. С. 51.
8. Кобяков Д.Ю. Бессмертный дар: Повесть о словах. 3-е изд., испр. и доп. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1973. 192 с.
9. Кобяков Ю.А. Лопасненская старина. Очерки истории края с древнейших времен до начала XX века. М.: [Б. и.], 2015, 376 с.
10. Колесников А.А. Дмитрий Кобяков. Год в Чехии // Алтайский сборник. Вып. 16. Барнаул: Алт. отд-ние Всерос. фонда культуры, 1995. С. 171–178.
11. Марьин Д.В. Русская этимология и лексикография в исследованиях Д.Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 128–135.
12. На вечерней заре. Письма А.М. Ремизова С.П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / вступ. статья, подгот. текста и коммент. Е.Р. Обатиной // Русская литература. 2015. № 3. С. 153–203. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-1-163-209

13. Обатнина Е.Р. «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d'Amelia / a cura di C. Diddi e D. Rizzi*. Salerno: Vereja Edizione, 2014. P. 181–204.
14. Обатнина Е.Р. Избранные страницы из альбома А.М. Ремизова «Зарубежная цензура»: политика и этика // *Русская литература*. 2020. № 3. С. 208–217. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-208-217
15. Обатнина Е.Р. К истории русской зарубежной печати: идейный вектор журнала «Ухват» — неявное и очевидное // *Литературный факт*. 2021. № 3 (21). С. 278–303. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-278-303
16. Обатнина Е.Р. «Птицелов» из ремизовского «Гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 9: Филология. С. 85–95. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95
17. Обатнина Е.Р. Ремизов в борьбе за «сон»: Материалы к творческой биографии // *Русская литература*. 2021. № 1. С. 161–169. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-161-169
18. Обатнина Е.Р. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
19. Обатнина Е.Р. Этюды к творческой биографии А.М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетго-разложенец» // *Литературный факт*. 2020. № 3 (17). С. 8–53. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-17-8-53
20. Поляк З., Поляк Д. Судьбы реэмигрантов: Дмитрий Кобяков в дневнике и письмах Юрия Софиева // *Polilog. Studia Neofilologiczne*. 2019. № 9. С. 249–260. DOI: 10.34858/polilog.9.2019.309
21. Поляков Ф. Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е — 1930-е годы // *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 2015. № 3. С. 248–262.
22. Проскуденкова О. Россия как особый культурный мир в концепции евразийцев // *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*. СПб.: СПбГИК, 2015. Т. 210: Петербургская культурологическая школа С.Н. Иконниковой: история и современность. С. 92–100.
23. Прохоров Г.М. Тмутаракань // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве»*: в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5: Слово Даниила Заточника — Я. С. 123–125.
24. «...с Вами беда — не перевести»: Письма Д.П. Святополк-Мирского к Ремизову (1922–1929) / публ. Р. Хьюза // *Диаспора: Новые материалы*. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2003. Вып. 5. С. 335–401.
25. Серков А.И. Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М.: Ганга, 2020. Т. II. 676 с.

26. «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / вступ. ст. Л.Н. Белошевской, сост. биографии Л.Н. Белошевской, В.П. Нечаевой. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
27. *Соболев А., Тименчик Р.* Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
28. *Устинов А.* Стихотворение, содержащее аллереорию, или последняя публикация Бориса Божнева // *Toronto Slavic Quarterly*. 2013. № 43. С. 137–148. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/> (дата обращения: 01.06.2024).

Источники

29. *Адамович Г.* Собрание сочинений: в 2 т. / вступ. ст., сост. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998.
30. *Алексеев А.Д.* Литература русского зарубежья: Книги, 1917–1940: Материалы к библиографии. СПб.: Наука, 1993. 200 с.
31. *Андреев В.* История одного путешествия. Возвращение в жизнь. Через двадцать лет: Повести. М.: Сов. писатель, 1974. 374 с.
32. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / под ред. Е.Н. и Д.Г. Андреевых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 637 с.
33. *Бем А.* «Скит поэтов» // Своими путями. 1926. № 12–13. С. 47.
34. *Гуль Р.* Я унес Россию: Антология эмиграции. В 3 т. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
35. *Даль Вл.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989.
36. «Девятикрылатый» ангел Алексея Ремизова. Письма Н.В. Резниковой к В.Ф. Маркову (1957–1959) и к В.И. Малышеву (1957–1964) / вступ. ст., публ., коммент. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 769–808.
37. *Доценко С.* Алексей Ремизов глазами Довида Кнута // Культура русской диаспоры: Эмиграция и мифы / ред.-сост. А.А. Данилевский, С.Н. Доценко, предисловие С.Н. Доценко. Таллинн: Таллиннский университет, 2012. С. 188–204.
38. *Дувакин В.Д.* Беседы с А.В. Сосинским. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-270> (дата обращения: 26.04.2021).
39. Иоанн (Шаховской), архиеп. Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, 1977. 420 с.
40. История, культура и традиции Рязанского края. URL: <https://62info.ru/history/node/10704> (дата обращения: 26.04.2021).

41. Клуб молодых литераторов // Последние новости: 1925. 20 фев. № 1480. С. 4.
42. Кн-во «Птицелов» // Дни. 1925. 20 окт. № 831. С. 4.
43. Кнорринг И. Повесть из собственной жизни: Дневник: в 2 т. / подгот. текста Н.Н. Кнорринга, Н.М. Черновой; вступ. ст., коммент. И.М. Невзоровой. М.: Аграф, 2009. Т. 1. 608 с.
44. Кобяков Дм. Встреча с Маяковским. Вечер в Париже. Последнее свидание // Простор. 1962. № 6. С. 46–53.
45. Колесников А. Творчество на фоне нужды: Из фонда Дмитрия Юрьевича Кобякова / вступ. ст., подгот. материалов А. Колесникова // Судьбы: воспоминания, дневники, письма, стихи, путевые заметки, протоколы допросов. Барнаул: Изд. Управления архивного дела администрации Алтайского края, 1996. С. 44–50.
46. Кудрявцев В.Б. Периодические и неперіодические коллективные издания русского зарубежья (1918–1941): Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. М.: Русский путь, 2011. Ч. 1. 936 с.
47. Мансков С.А. Барнаульский эмигрант / ред.-сост. С.А. Мансков. Барнаул; Москва: Красногорский полиграфический комбинат, 2018. С. 5–10.
48. Муратова К.Д. История русской литературы конца XIX — начала XX века: Библиографический указатель / под ред. К.Д. Муратовой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 520 с.
49. Н.Б. [Берберова Н.Н.] [Рец. на: «Записки наблюдателя» Литературный сборник. Кн. 1. Прага, 1924] // Звено (Париж). 1924. 30 июня. № 74. С. 3–4.
50. Никольская Т. «Фантастический город»: русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
51. Письма А.М. Ремизова к Д.А. Лутохину (1923–1925) / публ. Е.Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 944–976.
52. «Плетешок» // Дни. 1925. 25 янв. № 674. С. 4.
53. Потапов А. Помню пляски половецкие // Барнаул. 2006. № 2. С. 17–18.
54. Ремизов А. Дневник мыслей: в 4 т. / общ. ред., вступ. ст., коммент. А.М. Грачевой. СПб: Пушкинский Дом, 2013–2020.
55. Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1925 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 1 (15). С. 42–114.
56. Ремизов А.М. «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С.П. Ремизовой-Довгелло. 1926 / коммент. Е.Р. Обатниной; подгот. текста

- Е.Р. Обатниной и А.С. Урюпиной // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 54–87.
57. Ремизов А.М. Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Ростов, 2002, 2017–2018. Т. 9, 13–14.
 58. Ремизов А. Три юбиляра (1866–1926) // Ухват. 1926. № 1. С. 8.
 59. [Рец. на:] Дм. Кобяков. Вешняк. Париж. Птицелов // Руль. 1926. 14 апр. № 1630. С. 5.
 60. Родионов А. Удостоен всесоюзного позора // Сибирские огни. 2008. № 9. С. 157–160.
 61. Русская общественная библиотека им. И.С. Тургенева — перекресток духовной жизни России и Франции = La Bibliothèque publique russe I.S. Tourguénév — l'intersection de la vie spirituelle de la Russie et de la France / отв. ред. Н.Я. Олесич. СПб.: Знаменитые универсанты СПбГУ, 2014. 192 с.
 62. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни во Франции. 1920–1940: в 4 т. / общ. ред., вступ. ст. и сост. Л.А. Мнухин. Москва; Париж: ЭКСМО; YMCA-PRESS, 1995–1997.
 63. Серков А.И. М.А. Осоргин и его масонское наследие. М.: Ганга, 2018. 424 с.
 64. Сосинский В. Рассказы и публицистика: 1900–1987. М.: Российский Архив, 2002. 432 с.
 65. Софиев Ю. Вечный юноша. Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012. 160 с.
 66. Струве Г. [Рец. на:] Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж. 1925 (стр. 14) // Возрождение. 1926. 8 июня. № 6. С. 4.
 67. Толстая Е. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГТУ. 2006. 698 с.
 68. Федоров Ф.П. Довид Кнут. М.: МИК, 2005. 447 с.
 69. Хазан В. Довид Кнут: Судьба и творчество. Lyon: Centre d'Études Slaves André Lirondelle Université Jean-Moulin, 2000. 209 с.
 70. Ходасевич Вл. Камер-фурьерский журнал / вступ. ст., подгот. текста О.Р. Демидовой. М.: Эллис Лак, 2002. 478 с.
 71. Ходасевич В. Скучающие поэты // Возрождение. 1930. 30 янв. № 1703. С. 3.
 72. Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the T.P. Whitney Collection / essay and catalogue of the exhibition by G.N. Slobin. [Amherst, Mass.]: Mead Art Museum, Amherst College, 1985. 140 p.
 73. Lampl H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A.M. Remizovs (Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov, établie par Hélène Sinany, Paris 1978). Wiener slawistischer Almanach. 1979. Bd. 2. S. 301–326.

REFERENCES

1. Baran, H. *Poetika russkoi literatury nachala XX veka* [Poetics of Russian Literature of the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1993. 368 p. (In Russian)
2. Baskakov, N.A. "K etimologii polovetskikh sobstvennykh imen v "Slovo o polku Igoreve" (Sharokan', Konchak, Gzak, Kobiak, Ovlur)" ["To the Etymology of Polovets Names in "Slovo o Polku Igoreve" (Sharokan', Konchak, Gzak, Kobiak, Ovlur)]. *Problemy istorii i dialektologii slavianskikh iazykov. Sbornik statei k 70-letiiu V.I. Borkovskogo* [Problems of the History and Dialectology of the Slavic Languages. Collection of Papers to the 70th Anniversary of V.I. Borkovskii]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 38–42. (In Russian)
3. Gracheva, A.M. "Literaturnye mistifikatsii A.M. Remizova 1940-kh godov" ["Literary Hoaxes of A.M. Remizov of the 1940s"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2019, pp. 191–199. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-191-199 (In Russian)
4. Gracheva, A.M. "O pisatele Fedore Sologube, belletriste Vladimire Unkovskom i redaktore Aleksee Remizove" ["About the Writer Fedor Sologub, the Fiction Writer Vladimir Unkovskii and the Editor Alexey Remizov"]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2013, pp. 75–84. (In Russian)
5. Demidova, O.R. *Izgnan'e kak poslan'e: estezis i etos russkoi emigratsii* [Exile as a Message: Aesthesis and Ethos of Russian Emigration]. St. Petersburg, Russkaia kul'tura Publ., 2015. 352 p. (In Russian)
6. "K istorii evraziistva: M. Gor'kii i P.P. Suvchinskii" ["For the History of Eurasianism: M. Gor'kii and P. Suvchinskii"], publ. Dzh. Mal'mstada. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], vol. 1. Paris, Athenaeum Publ., St. Petersburg, Feniks Publ., 2001, pp. 327–347. (In Russian)
7. Kagan, M.D. "Kobiak" ["Kobiak"]. *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of "Slovo o Polku Igoreve": in 5 vols], vol. 3. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 51. (In Russian)
8. Kobiakov, D.Iu. *Bessmertnyi dar: Povest' o slovakh* [The Immortal Gift: The Tale of Words], 3rd ed. Barnaul, Altaiskoe Knizhnoe Izdatel'stvo Publ., 1973. 192 p. (In Russian)
9. Kobiakov, Iu.A. *Lopasnenskaia starina. Ocherki istorii kraia s drevneishikh vremen do nachala XX veka* [Old Lopasnen. Sketches of the History of the Region from Old Times until the Beginning of the 20th Century]. Moscow, [N. e.], 2015, 376 p. (In Russian)
10. Kolesnikov, A.A. "Dmitrii Kobiakov. God v Chekhii" ["Dmitrii Kobiakov. A Year in the Czech Republic"]. *Altaiskii sbornik* [Altay Collection], vol.

16. Barnaul, Altaiskoe otделение Vserossiiskogo fonda kul'tury Publ., 1995, pp. 171–178. (In Russian)
11. Mar'in, D.V. "Russkaia etimologiiia i leksikografiia v issledovaniiax D.Iu. Kobiakova" ["Russian Etymology and Lexicography in the Studies of D.Iu. Kobiakov"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, 2009, pp. 128–135. (In Russian)
12. "Na vechernei zare. Pis'ma A.M. Remizova S.P. Remizovoi-Dovgello: 1909 god" ["At the Evening Dawn: A.M. Remizov's letters to S.P. Remizova-Dovgello: 1909"], ed., comment. and introd. by E.R. Obatnina. *Russkaia literatura*, no. 3, 2015, pp. 153–203. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-1-163-209 (In Russian)
13. Obatnina, E.R. "‘‘Esli vy vkluchaete Remizova v gruppû futuristov — na eto est' nekotorye osnovaniia'. K istorii otnoshenii pisatel'ia s avangardistami'" ["‘‘If You Include Remizov in the Group of Futurists — There Are Some Reasons for This’. On the History of the Writer's Relationship with the Avant-garde’"]. *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d' Amelia*, a cura di C. Diddi, D. Rizzi. Salerno, Vereja Edizione, 2014. C. 181–204. (In Russian)
14. Obatnina, E.R. "‘Izbrannye stranitsy iz al'boma A.M. Remizova ‘Zarubezhnaia tsenzura’: politika i etika'" ["‘Selected Pages from A.M. Remizov's Album ‘Foreign Censorship’: Politics and Ethics’"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2020, pp. 208–217. DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-208-217 (In Russian)
15. Obatnina, E.R. "‘K istorii russkoi zarubezhnoi pechati: ideinyi vektor zhurnala ‘Ukhvat’ — neiaivnoe i ochevidnoe'" ["‘To the History of the Russian Foreign Press: Implicit and Obvious as the Ideological Vector of ‘Ukhvat’ Magazine’"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (21), 2021, pp. 278–303. DOI: 10.22455/2541-8297-2021-21-278-303 (In Russian)
16. Obatnina, E.R. "‘‘Pttselov’ iz remizovskogo ‘Gnezda’: k parizhskoi biografii poeta Dmitriia Kobiakova'" ["‘‘The Bird Catcher’ from Remizov's ‘Nest’: to the Paris Biography of the Poet Dmitrii Kobiakov’"]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Istoriia, filologiiia*, vol. 20, no. 9: Philology, 2021, pp. 85–95. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95 (In Russian)
17. Obatnina, E.R. "‘Remizov v bor’be za ‘son’: Materialy k tvorcheskoi biografii'" ["‘A.M. Remizov and His Struggle for ‘Dream’: Materials to Biography’"]. *Russkaia literatura*, no. 1, 2021, pp. 161–169. DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-161-169 (In Russian)
18. Obatnina, E.R. *Tsar’ Asyka i ego poddannye: Obez’ian’ia Velikaia i Vol’naia Palata A.M. Remizova v litsakh i dokumentakh* [Tsar Asyka and His Subjects: A.M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in Persons and Documents].

- St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2001. 384 p. (In Russian)
19. Obatnina, E.R. "Étiudy k tvorcheskoi biografii A.M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaya: 'Esteto-razlozhenets'" ["Studies on A.M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1: 'Aesthete-Degenerate'"]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (17), 2020, pp. 8–53. DOI: 10.22455/2541-8297-2020-17-8-53 (In Russian)
20. Poliak, Z. "Sud'by reemigrantov: Dmitrii Kobiakov v dnevnike i pis'makh Iurii Sofieva" ["Re-emigrant's Fate: Dmitry Kobyakov at the Diary by Iury Sofiev"]. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, no. 9, 2019, pp. 249–260. DOI: 10.34858/polilog.9.2019.309 (In Russian)
21. Poliakov, F. "Yugoslavianskie kontakty Alekseia Remizova v 1920-e — 1930-e gody" ["The Yugoslav contacts of Aleksei Remisov in the 1920s and 1930s"]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, no. 3, 2015, pp. 248–262. (In Russian)
22. Proskudenkova, O. "Rossiia kak osobyi kul'turnyi mir v kontseptsii evraziitsev" ["Russia as a Special Cultural World in the Eurasian Concept"]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture], vol. 210: *Peterburgskaia kul'turologicheskaiia shkola S.N. Ikonnikovoi: istoriia i sovremennost'* [Petersburg Cultural School S.N. Ikonnikova: History and Modernity]. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Culture Publ., 2015, pp. 92–100. (In Russian)
23. Prokhorov, G.M. "Tmutarakan'" ["Tmutarakan"]. *Entsiklopediia "Slova o polku Igoreve": v 5 t.* [Encyclopedia of "Slovo o polku Igoreve": in 5 vols], vol. 5. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995, pp. 123–125. (In Russian)
24. "...s Vami beda — ne perevesti': Pis'ma D.P. Sviatopolk-Mirskogo k Remizovu (1922–1929)" ["...you are the awkward one — untranslatable': D.P. Sviatopolk-Mirskii's letters to A.M. Remizov (1922–1929)"], publ. R. Kh'iuz. *Diaspora: Novye materialy* [Diaspora: New Materials], vol. 5. Paris, Athenaeum Publ., St. Petersburg, Feniks Publ., 2003, pp. 335–401. (In Russian)
25. Serkov, A.I. *Rossiiskie masony. 1721–1919. Biograficheskii slovar'. Vek XX* [Russian masons. 1721–1919. Biographical Dictionary. 20th Century], vol. 2. Moscow, Ganga Publ., 2020. 676 p. (In Russian)
26. "Skit". *Praga 1922–1940: Antologiiia. Biografii. Dokumenty* ["Skit". Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. Documents], introd. by L.N. Beloshevskaia, comp. by L.N. Beloshevskaia, V.P. Nechaeva. Moscow, Russkii put' Publ., 2006. 768 p. (In Russian)
27. Sobolev, A., and R. Timenchik. *Venetsiia v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972* [Venice in Russian poetry. Experience of Anthology. 1888–1972]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. 1104 p. (In Russian)

28. Ustinov, A. "Stikhotvorenie, soderzhashchee allegoriiu, ili posledniaia publikatsiia Borisa Bozhneva" ["A Poem Containing an Allegory or a Recent Publication by Boris Bozhnev"]. *Toronto Slavic Quarterly*, no. 43, 2013, pp. 137–148. (In Russian)

Дата поступления статьи: 15 октября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 30 марта 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: October 15, 2021

Approved: March 30, 2022

Date of publication: October 07, 2024